

*А.И. Кобзев**

**Был ли хэшан Аликэ
«основателем советской школы китаеведения»?**

АННОТАЦИЯ: Статья продолжает исследования автором истории российского китаеведения XX в. как борьбы двух линий: классической синологии и советской китаистики. Это научное, нравственное и политическое противостояние рассмотрено на конкретных примерах полярных судеб видных отечественных учёных, составляющих комплементарные пары: В.М. Алексеева (1881–1951) и Н.И. Конрада (1891–1970), Ю.К. Щуцкого (1897–1938) и Б.А. Васильева (1899–1937), А.А. Штукина (1904–1963) и С.Л. Тихвинского (род. в 1918), Л.З. Эйдлина (1909/1910–1985) и Н.Т. Федоренко (1912–2000). Освещены некоторые тёмные эпизоды 1930–1990-х гг., связанные с политической ангажированностью, служебной деятельностью и стремлением их участников возглавить советскую китаистику. Показана ложность и вненаучная мотивированность распространённой характеристики В.М. Алексеева как «основателя советской школы китаеведения».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В.М. Алексеев, Б.А. Васильев, Н.И. Конрад, С.Л. Тихвинский, А.А. Штукин, Н.Т. Федоренко, Ю.К. Щуцкий, Л.З. Эйдлин, история российской синологии, советская китаистика.

Ранее автор статьи, следуя как малое великому «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха и совместным биографиям в «Исторических записках» (史記 «Ши-цзи») Сыма Цяня (司馬遷, 145/135–87/86 до н.э.), сопоставил судьбы двух крупнейших в отечественной науке

* Кобзев Артём Игоревич, д. филос. н., проф., зав. Отделом Китая ИВ РАН, директор УНЦ гуманитарных и социальных наук и зав. департаментом культурологии МФТИ (ГУ), руководитель УНЦ «Философия Востока» РГГУ. E-mail: ivran_china@mail.ru, arkobzev@gmail.com

XX в. исследователей культуры Дальнего Востока, академиков В.М. Алексеева (1881–1951) и Н.И. Конрада (1891–1970), а также двух главных учеников В.М. Алексеева — профессоров Ю.К. Щуцкого (1897–1938) и Б.А. Васильева (1899–1937) [Кобзев, 2013, с. 263–270; Кобзев, 2013, с. 386–405]. В настоящей работе продолжено исследование параллелей в жизни и творчестве других учеников В.М. Алексеева, известных синологов: д.и.н., академика С.Л. Тихвинского (род. в 1918) и А.А. Штукина (1904–1963), д.ф.н., членкора Н.Т. Федоренко (1912–2000) и д.ф.н. Л.З. Эйдлина (1909/1910–1985).

Комплементарные пары синологов: Н.И. Конрад и В.М. Алексеев, Ю.К. Щуцкий и Б.А. Васильев (*слева направо*)

Согласно опубликованному В.М. Алпатовым свидетельству окончившей Ленинградский университет в 1932 г. Ф.А. Тодер (1911–2000), «В.М. Алексеев заявил на лекции, что овладеть Востоком может только человек, обладающий наследственной культурой. Это резко противоречило духу тех лет, в словах Алексеева девушка ощутила барство, а Конрад, наоборот, был очень демократичен и внимателен ко всем студентам независимо от их происхождения» [Алпатов, 2011, с. 54]. Подобное же поведение В.М. Алексеева отметил в своих «Воспоминаниях» (2005 г.) занимавшийся у него несколькими годами позже С.Л. Тихвинский: «Нас, студентов 30-х годов, он не особенно привечал», после первой лекции «многие даже бросились

в деканат факультета с просьбой о переводе их в другие языковые группы», некоторые добились этого, «иные ушли на исторический факультет или вообще покинули университет» и в итоге к концу 3-го курса остались только двое из 28 человек, зачисленных в 1935 г. в китаеведческую группу [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 171, 173].

У прогрессивной советской молодёжи и красной профессуры вряд ли вызывал симпатию чопорный профессор — в описании С.Л. Тихвинского: «довольно полный мужчина, с головой, напрочь лишённой волосяного покрова, одетый в строгий чёрный сюртук, белоснежную рубашку со стоячим накрахмаленным воротником и с чёрным галстуком-бабочкой», «со своим неизменных большим чемоданом, в котором помещались тексты его лекций с китайскими текстами и иллюстрациями, с эстампажами образцов китайской каллиграфии и разного рода новогодними лубками», сухо здоровавшийся с аудиторией, ставивший чемодан на стол и читавший лекцию невидимкой из-за его открытой крышки [Тихвинский, 2006, с. 22, 170]. Если он таким образом скрывался от взоров аудитории, то зачем было привлекать к себе повышенное внимание подчёркнуто щеголеватым одеянием и экстравагантным обликом? Вероятно, импровизированный экран имел противоположное назначение — скрывать от него самого чуждую ему публику. Так или иначе, надменный педагог, отгораживаясь от малопривычных учеников, использовал традиционный китайский приём защиты от бесов.

Выбор Ф.А. Годер своим наставником «демократичного» Н.И. Конрада не помог ей в 1947 г. получить от него согласие на официальное оппонирование её кандидатской диссертации «История захвата Формозы Японией» [Конрад, 1996, с. 296], и защита состоялась только в 1949 г., а «неприветливый» В.М. Алексеев согласился в 1945 г. стать научным руководителем докторанта С.Л. Тихвинского, который за семь лет до этого публично опорочил его (подробно — ниже).

За своё «барство» В.М. Алексееву пришлось дорого заплатить. В частности, резолюция общего собрания китайской кафедры Ленинградского восточного института (ЛВИ), состоявшегося 9 июня погромного 1938 года, обвиняла его: «В своих лекциях в ЛВИ академик высказывал антинаучные и реакционные суждения: “Изучение китайского языка возможно только для высокоодарённых личностей”, к “нормальному китаеведению можно прийти только через западоведение”» (цит. по [Хохлов, 2008, с. 462]). Аналогичные резолюции были приняты в ходе проработок В.М. Алексеева и на других заседаниях: 1 июня в китайском кабинете ИВ АН СССР, 5 июня на кафедре дальневосточной филологии филологического факультета ЛГУ, 7 июня на общем собрании Актива ИВ АН СССР.

Они появились вслед за публикацией 31 мая 1938 г. в главном официозе «Правде» статьи учёного секретаря и парторга Института востоковедения (ИВ) АН СССР Х.И. Муратова (1905–1942?) и представителя парткома АН СССР Б. Бурова о «колонизаторе-зубре» В.М. Алексееве с уничтожающим заглавием «Лжеучёный в звании советского академика», безнадёжным диагнозом: «За 20 лет советской власти, почти за 10 лет своего пребывания в рядах советских академиков В.М. Алексеев, однако, не дал нашей стране ни одного сколько-нибудь солидного, научно ценного, необходимого нам труда <...> Работой молодых научных сотрудников В.М. Алексеев не интересуется. У него в сущности нет учеников <...> Замкнувшись в лже-научной скорлупе, он объявляет высокомерно, что китайский язык и наука о Китае — это дело “избранных”», — и похожим на приговор заключением: «Скорлупа, в которой прятался лжеучёный, разбита. Академия наук должна заняться вопросом о человеке, который позорит звание советского учёного» (цит. по [Хохлов, 2008, с. 456–458]). Особый цинизм иезуитского обвинения в отсутствии учеников состоял в том, что лучшие их таковых (Ю.К. Щуцкий и Б.А. Васильев) действительно уже были уничтожены и оправдательное упоминание о них обернулось бы самопризнанием в связях с врагами народа.

Знатоки старого Китая из ближнего круга В.М. Алексеева прекрасно осознавали нашествие нового средневековья в СССР. Ещё в 1925 г. Б.В. Васильев и Ю.К. Щуцкий изобразили В.М. Алексеева в дружеской пародии на его переводы новелл Пу Сун-лина «Хэшан — изгнатель бесов», проиллюстрировав её цветным рисунком с иероглифической надписью *А-ли-кэ фу-цзо* — «Аликэ в позе лотоса», или «Наставник Полезных Умений в буддийской медитативной позе со скрещёнными ногами». Его чёрно-белую копию (см. ниже) и конспект самой пародии с пространными цитатами опубликовала дочь академика М.В. Баньковская (1927–2009): «В губернии Хэбэй, в уезде “Лес учёности” был заросший пыреем разрушенный храм», в котором «поселился хэшан Аликэ со своими двумя учениками». «Однажды ночью, когда монахи сидели по обыкновению в забытьи, прибежал бес с лвиной мордой и сказал: “Идёт ревизия...” Показалась целая вереница бесов: толстые и пузатые, высокие и тонкие, в языках пламени, пятнистые и вообще разнообразные», «приблизились и грозно сказали: “А подать сюда Азиатский Департамент!” Аликэ испустил из пупа два Азиатских Департамента. Два стали четырьмя, четыре — восемью, восемь — шестнадцатью... и вскоре в Поднебесной не было ничего, что не было бы Азиатским Департаментом. А наш хэшан всё испускал и испускал; бесы же, притеснённые 10 000 Азиатских Департаментов, испугались, вытянулись в струнку, ушли... и только». «Монах сказал: мираж рождается от людей. А это —

фальсификация». «Рассказчик этих удивительных историй добавил бы: Всё это доказательство правоты учения о пустоте и опровергает козни выплясывателей духов...» [Баньковская, 2010, с. 315–317].

Публикатор отметила в шарже бытовые аллюзии: храм — Азиатский музей (будущий Институт востоковедения), ночное забытье — сидение в нём до глубокой ночи из-за ненормированности рабочего дня [Баньковская, 2010, с. 315]. Здесь также присутствует парафраз знаменитой формулы «И-цзина»/«Чжоу-и» (易經/周易 «Книга/Канон перемен», или «Всеохватные перемены [эпохи] Чжоу»), описывающей появление всех «10 000 вещей»: «Перемены имеют Великий предел. Это рождает два образца [*инь* и *ян*]. Два образца рождают четыре символа. Четыре символа рождают восемь триграмм» («Сиды чжуань», I, 11).

«Хэшиан — изгнатель бесов». Рисунок в красках Ю.К. Щуцкого и Б.А. Васильева. 1925 г.

Летом 1945 г., поздравляя В.М. Алексеева с награждением орденом Ленина, участвовавший в гонениях на него в 1938 г., но сам угодивший в узилище, Н.И. Конрад признал себя в первую очередь не японистом, а китаистом и его учеником [Конрад, 1996, с. 284], а в следующем году В.М. Алексеев выдвинул кандидатуру Н.И. Конрада в действительные члены АН (см. [Конрад, 1996, с. 293]). Этому наступившему после всё списавшей войны взаимному благорасположению предшествовали весьма непростые отношения.

В отличие от В.М. Алексеева Н.И. Конрад активно сотрудничал с коммунистическими властями и поддерживал «марксистскую/социалистическую/большевистскую науку», в частности, уже в 1918 г. участвовал в пропагандистской деятельности Народного комиссариата иностранных дел, в ЛВИ готовил кадры для НКВД, 10.09.1933 в газете «За социалистическую науку» опубликовал статью «Я не мыслю своей работы без участия коммунистов» [Конрад, 1996, с. 173–174] и вскоре (12.02.1934), ещё до получения докторской степени (15.10.1934; без защиты), был избран членом-корреспондентом АН как «вступивший сразу после Октября на путь» «служения задачам революции» и «непосредственного участия в социалистическом строительстве» (цит. по [Конрад, 1996, с. 469, примеч. 2]). Предшествующую его попытку в 1932 г. выдвинуться в членкоры В.М. Алексеев пресёк вместе с академиком И.Ю. Крачковским (1883–1951), сочтя кандидатуру «недостаточно научно обоснованной», так как «научный характер работы Н.И. Конрада производит впечатление поверхностности благодаря слишком широкому размаху его работы и кругозора» (цит. по [Переписка, с. 149]).

Ещё раньше, в 1929 г. Н.И. Конрад поддержал приём в АН СССР известного марксистского обскуранта А.М. Деборина (1881–1963), который, став одним из руководителей Академии, в 1937 г. усиленно продвигал его кандидатуру в академики (по отмеченному В.М. Алексеевым в письме И.Ю. Крачковскому от 17.01.1937 принципу *do ut des*, т.е. взаимობразности; см. [Переписка, 2008, письмо 53, с. 189–190, 380, примеч. 3, 4]), и одновременно в 1937–1938 гг. возглавил травлю В.М. Алексеева (см. [Хохлов, 2008, с. 454, 464–468]).

В итоге перед смертью последнего в письме ему от 5 марта 1951 г. Н.И. Конрад констатировал, что только на них двоих и держится вся классическая синология в СССР: «уйдём с арены мы с Вами, и кто подхватит эту эстафету?» [Конрад, 1996, с. 303]. Однако «эту эстафету» В.М. Алексеев скорее отдал бы другому, по его собственному выражению, своему «конкуренту» — «ученику, коллеге и другу» Л.З. Эйдлину [Баньковская, 2010, с. 355, 404–421; Смирнов, 2014, с. 539], в письме к которому упрекал Конрада в нарушении долга «китаиста держаться

китайского текста» и мнению, будто «историк не обязан считаться с китайским текстом, особенно его переводить» (цит. по [Баньковская, 2010, с. 293]).

Л.З. Эйдин.

С провозглашённой им табелью о рангах в советской синологии также не согласились верные ученики В.М. Алексеева, и когда в 1958 г. готовилось к изданию посмертное собрание его работ, а Н.И. Конрад уже стал полным академиком, возникла новая коллизия: борьба за право их редактирования (см. [Конрад, 1996, с. 323–324]). Действительно, успешным конкурентом оказался Л.З. Эйдин, которого сам В.М. Алексеев величал «бледнолицым братом в синологии» [Баньковская, 2010, с. 355, 404] и которому его вдова Н.М. Алексеева (Дьяконова, 1891–1973) поручила посмертное издание работ своего мужа, что затем официально утвердила дирекция Института востоковедения. Однако в 1958 г. заведующий Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР И.А. Орбели (1887–1961), проработавший В.М. Алексеева в 1937–1938 г., в паре с его учеником В.М. Штейном (1890–1964) обратился к Н.И. Конраду с предложением редактировать один из томов избранных произведений В.М. Алексеева, что вызвало решительный протест Л.З. Эйдина, считавшего обладателями такого права только ближайших учеников В.М. Алексеева, а именно:

себя и своего однокашника и друга, сталинского переводчика
Н.Т. Федоренко, тогда же, в 1958 г., ставшего членкором АН СССР.

В.М. Штейн.

Н.Т. Федоренко. 1958 г.

В ответ Н.И. Конрад предложил поставить над Л.З. Эйдлиным наблюдательную и контрольную комиссию во главе с И.А. Орбели, а сам переключился на наследие Ю.К. Щуцкого, с которым «на манер “сяня”» (山 — даосского бессмертного) вместе «летал: прямо из верхнего этажа академической библиотеки (там помещался тогда китайский кабинет с окнами на Неву) на золотую шапку Исаакия...» (см. письма Н.И. Конрада И.А. Орбели от 6 июня 1958 г. и Б.Б. Вахтину от 27 мая 1959 г. [Конрад, 1996, с. 323–324]). Видимо, также магия позволила Н.И. Конраду 28 марта 1958 г. написать докладную записку об обнаружении в архиве Ленинградского отделения ИВ АН СССР книги Ю.К. Щуцкого об «И-цзине» [Конрад, 1996, с. 215–216]), хотя десятилетием раньше (07.12.1948) он утверждал, что рукописи Ю.К. Щуцкого «неизвестно, где находятся; по крайней мере, в архиве ИВ [АН СССР] их нет» [Конрад, 1996, с. 197]. Ещё через два года, несмотря на антирелигиозную кампанию Н.С. Хрущёва (1958–1964), он сумел исполнить страстную мечту В.М. Алексеева об издании первой большой книги Ю.К. Щуцкого, опубликовав под своей редакцией и со своим предисловием в 1960 г. его главный труд «Китайскую классическую “Книгу перемен”», которая всецело посвящена мантике и мистике.

В доме В.М. Алексеева в день его 70-летия.
 Слева направо: В.В. Струве, И.Н. Вишняков, В.А. Крачковская,
 В.М. Алексеев, О.Л. Фишман, Н.М. Алексеева, И.Ю. Крачковский,
 В.И. Бельев, Л.З. Эйдлин, И.Э. Циверович. 14 января 1951 г.

В итоге этой борьбы за испанское наследство в 1958 г. увидели свет две книги В.М. Алексеева: «В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г.» под редакцией В.М. Штейна и «Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексеева» под редакцией Л.З. Эйдлина.

Годом ранее схожая коллизия сложилась вокруг дела жизни ещё одного ученика В.М. Алексеева — А.А. Штукина, чей перевод «Шицзина» (詩經 «Канона стихов») вышел одновременно в двух конкурирующих редакциях: Н.И. Конрада (Шицзин. Избранные песни. М.: Худлит, 1957) и Н.Т. Федоренко (Шицзин: Книга песен и гимнов. М.: Изд-во АН СССР, 1957).

Самое же печальное произошло с многострадальной «Рабочей библиографией китаиста», которую В.М. Алексеев неоднократно, но безуспешно пытался издать с 1933 г. В оправдательном выступлении на заседании Президиума АН СССР 5 июня 1938 г. он защищался, повествуя о горестной судьбе второго после «Китайской иероглифической письменности и её латинизации» столпа своей синологической педагогики [Алексеев, 2013, с. 64]: «большая рукопись “Рабочая библиография” была возвращена мне в 1933 г. как неприемлемая <...> [Г.К.] Папаяном и [А.А.] Бусыгиным, один был тогда учёным секретарём ИВ АН СССР, а другой – учёным секретарём РИСО» (цит. по [Три неизвестных, 2008, с. 443]). После следующего шага по этому тернистому пути, совпавшего с открытием судьбоносного 17-го съезда ВКП(б) (26.01–10.02.1934), Редколлегия Отделения общественных наук АН СССР отправила рукопись на переработку, рекомендовав автору, с одной стороны, сократить до минимума вводную, т.е. наиболее теоретичную, часть, а с другой — дополнить её сведениями о дореволюционных и особенно советских материалах, ввести разделы об экономике и революционном движении (см. ниже копию выписки из протокола от 27.01.1934).

Выписка из протокола заседания Редколлегии Отделения общественных наук АН СССР от 27.01.1934.

Очередную попытку публикации рукописи предприняли после смерти автора, в 1958 г. Л.З. Эйдлин, Н.Т. Федоренко и О.Л. Фишман (1919–1986). Первые два даже написали «Введение», говорящее о книге как об уже изданной. Но этого не случилось из-за негативного вмешательства авторитетного рецензента, ещё более влиятельного, чем член-корреспондент АН СССР и заместитель министра иностранных дел Н.Т. Федоренко. С пятой попытки «Рабочая библиография китаиста: Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая» увидела свет только в 2010 г. под редакцией и с дополнениями академика Б.Л. Рифтина (1932–2012) — в издании петербургской Библиотеки РАН, но зато всего лишь через три года с ещё большими дополнениями и усовершенствованиями, а также семикратно большим тиражом (500 экз. против 70) она была переиздана в первом томе «Архива российской китаистики» [Алексеев, 2013].

Во «Введении» к своему дополнению «О синологических словарях и справочниках, старых и новых» Б.Л. Рифтин указал на причину провала предпоследней из безуспешных попыток издать книгу: «Через семь лет, уже после кончины Алексева, его лучшие ученики Л.З. Эйдлин и О.Л. Фишман подготовили к изданию сокращённый вариант рукописи, но один из рецензентов возразил против её публикации, так как в книге не было ссылок и цитат на работы классиков марксизма и Сталина о Китае» [Рифтин, 2010, с. 280; 2013, с. 333]. Таким образом, в 1958 г., с одной стороны, в оттепель после разоблачения Н.С. Хрущёвым (1894–1971) культа личности Сталина на 20-м съезде КПСС, с другой — в разгар развязанной им же непристойной травли Б.Л. Пастернака (1890–1960), повторилась ситуация предгрозового 1934 г., когда заседал злоеущий 17-й съезд ВКП(б), «Съезд победителей», за которым последовало убийство в Ленинграде С.М. Кирова (1886–1934), начало массовых репрессий и уничтожение Сталиным «победителей». Поразительно, но неназванным «чёрным» рецензентом выступил ещё один, ныне единственный живой ученик В.М. Алексеева — С.Л. Тихвинский, бывший в 1934 г. школьником-отличником, получившим от Кирова в награду карманные часы [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 169], а в 1958 г. ставший заведующим отделом стран Азии Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР.

С.Л. Тихвинский — заведующий отделом Азии Управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД СССР. 1966 г.

Возможно, причина столь удивительного акта коренится в почти мистической истории взаимоотношений этих людей. В.М. Алексеев родился и провёл детство на Тихвинской улице в Петербурге и впервые встретился в конце 20-х годов на съёмной даче в деревне Большие Ижоры (ныне г. Ломоносов) с десятилетним Сергеем Тихвинским — сыном соседей по даче. Последний же, поступив в Ленинградский университет и придя на первую лекцию 1 сентября 1935 г. в свой день рождения (17-летия), попал на лекцию именно В.М. Алексеева [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 17, 170; Тихвинский, 2014, с. 351–352]. Так С.Л. Тихвинский стал учеником В.М. Алексеева в первый раз.

С.Л. Тихвинский — студент 3-го курса ЛГУ. 1937 г.

Но не прошло и трёх лет, как в разгар политической травли В.М. Алексеева и через пять дней после публикации 31 мая 1938 г. в «Правде» клеветнической статьи о нём, 5 июня 1938 г. состоялось внеочередное заседание кафедры дальневосточной филологии ЛГУ, также посвящённое его проработке. Преподаватель А.А. Штукин в оправдание своего учителя В.М. Алексеева сослался на его главное достижение в китайстике — перевод и введение в отечественный культурный оборот литературного наследия Ляо Чжая (Пу Сун-лина), а перед голосованием резолюции, разоблачавшей «реакционную деятельность» «лжеучёного в звании советского академика», покинул совет нечестивых, что через две недели было отмечено и осуждено специальной заметкой в газете «За большевистскую науку» от 19.06.1938 [Баньковская, 2010, с. 349, 393].

А.А. Штукин.

Робкую попытку защиты учителя парировал молодой, но ранний участник заседания, только что закончивший третий курс комсомолец С.Л. Тихвинский, профессионально выдвинувший не политические, а научнообразные аргументы: «Надо иметь в виду, что Ляо Чжай, хотя и выступал как антиконфуцианец, однако язык его произведений для того времени был архаическим и не характерным для эпохи... Кроме того, многие вещи Ляо Чжая насыщены эротизмом и вовсе не характерны для китайской литературы в целом. А между тем Ляо Чжай вышел в Советском Союзе в очень большом тираже. По этой книге большинство советских читателей судит о китайской литературе и, конечно, получает ложное представление» (цит. по [Баньковская, 2010, с. 349]). Опубликовавшая эту выдержку из «Протокола внеочередного заседания кафедры Дальневосточной филоло-

гии 5.VI.1938» дочь академика сопровождала её комментарием: «вот-то удивился бы, да и вряд ли вообще смог бы понять такую похвалу сам Пу Сун-лин! В переведённых Алексеевым новеллах Ляо Чжая имя Конфуция названо — прямо или подразумевается — неоднократно» [Баньковская, 2010, с. 349].

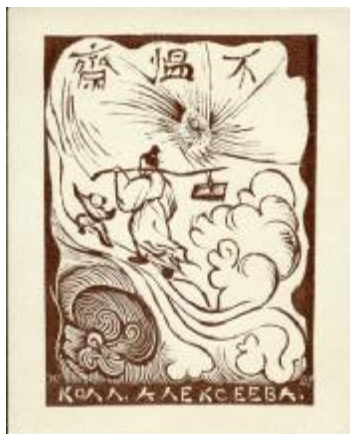
Так С.Л. Тихвинский первый раз отрёкся от своего учителя, развив тезис «Правды» о его вредной приверженности архаическому китайскому языку: «В течение долгого времени В.М. Алексеев сопротивлялся включению в производственный план Института востоковедения работы по составлению словаря современного китайского языка. Он называл эту работу <...> ненаучной, недостойной Академии наук» (цит. по [Хохлов, 2008, с. 457]). Подобное же обвинение вошло в резолюцию кафедры: «Что же касается академика В.М. Алексеева, то он, будучи знатоком старого китайского языка, до сих пор не оправдал требований, предъявляемых к преподавателю вуза <...> не дал ни одной из давно обещанных им работ по грамматике, библиографии, лексикологии, которые <...> могли бы помочь студентам овладеть китайским языком. Причина этого кроется в буржуазном, формально-академическом понимании предмета науки <...> Нежелание работать в области создания хорошего советского учебника, основанное на лженаучном представлении о предмете науки, связанное с этим раболепие перед европейской синологией в целом подкрепляется у академика Алексеева такими методами в его практической преподавательской деятельности, которые объективно ведут к срыву планового педагогического процесса» (цит. по [Хохлов, 2008, с. 460–461]).

А.А. Галич (1918–1977) завещал «поимённо вспомнить всех, кто поднял руки», и, когда время как честный человек всё расставило по своим местам, не лишённые совести литераторы публично покаялись за участие в позорном исключении Б.Л. Пастернака из Союза писателей СССР. В отличие от них, как отметил в статье «Без покаяния» [Померанц, 1997] имевший больше барда личных оснований для укоризны, сам сидевший в сталинских лагерях Г.С. Померанц (1918–2013), востоковеды не склонны к покаянию, и, когда через две трети века ушли из жизни все герои и жертвы трагедии 1938 г., С.Л. Тихвинский, ничтоже сумняшеся, облачился в тогу верного последователя В.М. Алексеева в панегирике «Академик В.М. Алексеев и его школа» [Тихвинский, 2004], который за три года (2004–2006) опубликовал четыре раза.

Там же он диаметрально изменил свою характеристику Пу Сун-лина: «Специфика творчества Ляо Чжая заключалась не только в приспособлении высокопарного литературного языка учёных-конфуцианцев для описания простых, часто бытовых сюжетов, но и смелое

вторжение в область фантастики, использование притч и легенд, апелляция к сверхъестественным силам для иносказательной критики пороков современного Пу Сун-лину общества, резкого осуждения произвола власть имущих и капитулянтской позиции китайских учёных, перешедших на службу к маньчжурским завоевателям» [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 11–12].

Видимо, не без влияния насмешливых высших сил С.Л. Тихвинский сам далее расхвалил капитулянтскую позицию В.М. Алексева по латинизации, вынужденно занятую им под давлением зубодробительной критики в 30-е гг.: «В.М. Алексеев с группой учеников и совместно с китайскими учеными-коммунистами Цюй Цю-бо, У Юй-чжаном (瞿秋白, 1899–1935; 吳玉章, 1878–1966. — *А.К.*) и др. активно участвовал в создании системы латинизации китайской письменности, которая давала “массам возможность заменить громоздкую иероглифическую письменность наиболее элементарной латиницей”» [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 17]. С.Л. Тихвинский вменил ему в заслугу идеологическую мотивировку, которую тот ранее, имея возможность более или менее свободно выражаться, критиковал с научной точки зрения, и процитировал его написанную эзоповым языком к 30-летию Советской власти, конформистскую статью 1947 г. с характерным названием «Советская синология» [Алексеев, 1982, с. 133], где, например, 11 раз указаны достижения Ю.К. Щуцкого, но ни разу не названо его имя (см. [Баньковская, 2010, с. 374]).

Выгравированный Ю.К. Щуцким экслибрис В.М. Алексева с изображением одинокого учёного и иероглифической надписью *Бу-юнь-чжай* (Кабинет без обид), цитирующей Конфуция: «Разве не благородный муж тот, кто не обижается на неизвестность другим» («Лунь-юй», I, 1) (см. также [Баньковская, 2010, с. 400–401]).

За полтора десятка лет до этого в выражавшей его подлинные взгляды специальной монографии В.М. Алексеев отстаивал историко-культурную значимость и практическую эффективность иероглифики: «Теперь, если подвести некий общий научный баланс как иероглифике, так и алфавиту, можно убедиться, что иероглифика есть также некий исторически закономерный и высоко развитый способ человеческого общения, который, в существе своём, вряд ли отличается от алфавита, ибо случаев перехода одного способа письма в другой, и притом довольно типичных — много. Если иероглифы в некоторых отношениях сложнее букв, то в других — они проще как комплексы»; на иероглифическом языке «написано всё литературное и научное богатство Китая (до последнего времени), и, следовательно, всякий, это культурное наследие изучающий, не может этот язык миновать» [Алексеев, 1932, с. 60]. Примечательно, что, когда советские коммунисты вынудили В.М. Алексеева отказаться от «антинародной» апологии иероглифики, её, согласно тому же С.Л. Тихвинскому, в 1949 г. активно поддержал глава китайских коммунистов Мао Цзэдун (毛澤東, 1893–1976), отрицательно относившийся ко всем попыткам алфавитизации китайского языка и категорически заявивший, что «иероглифическое письмо — выдающееся богатство китайской нации и не может быть заменено никаким алфавитом» [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 231].

Что же касается книги «Китайская латинизированная азбука» (М., 1930) оспаривавшего этот взгляд другого руководителя КПК, публициста Цюй Цю-бо (действовавшего в России под псевдонимом Страхов), то её В.М. Алексеев оценил как содержащую «политические обоснования китайской латинизации», но не научную и «страдающую рядом крупных недостатков, заставивших московских и затем ленинградских китаистов пересмотреть весь вопрос наново» [Алексеев, 1932, с. 85].

Неясно только, понимал ли в 1938 г. поддавшийся «навьим чарам» советский студент-комсомолец все последствия протохунвэйбинской кампании, которой уже в наше время дал академическую оценку: «Василий Михайлович ценой огромного внутреннего напряжения переносил все эти клеветнические нападки, ежедневно ожидая, что, вслед за его учениками, арестуют и его» [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 22]; «То было тяжёлое время — 1937–1938 годы. Любимые ученики Василия Михайловича Алексеева — Борис Александрович Васильев, Юлиан Константинович Щуцкий, — все попали под сталинские репрессии. И над самим Алексеевым тоже нависла угроза, он подвергся публичной устной и печатной критике. Была [опубликована] статья в “Правде”, озаглавленная “Лжеучёный в звании советского академика”. После

этой статьи Алексееву следовало [ждать], что арестуют и его. Но, к счастью, как-то уцелел он» [Тихвинский, 2014, с. 352].

Однако, к несчастью, по итогам проработки в ЛГУ В.М. Алексеева отстранили от преподавания, а уклонившийся от его шельмования А.А. Штукин вообще не уцелел: вскоре после этого или даже вследствие этого, 31 июля 1938 г. он был арестован и приговорён к пяти годам исправительно-трудовых лагерей в «солнечном» Магадане, вслед за чем 17 июня 1949 г. вновь сослан на пять лет в Норильск.

С.Л. Тихвинский также покинул университет, не доучившись. Пребывая в нём с сентября 1935 по август 1938 г., он окончил только три курса, но в автобиографии, написанной 16 мая 1966 г., сообщил, что «окончил четыре курса филологического факультета Ленинградского государственного университета (китайское отделение) в 1938 г. и с 5 курса по комсомольскому набору был направлен на работу в МИД СССР» (цит. по [Хохлов, 2009, с. 460–461]), а в докладе по случаю 90-летия В.М. Алексеева пошёл ещё дальше, заявив о «выпавшем большом счастье учиться у Василия Михайловича в Ленинградском университете в 1935–1939 гг.» [Тихвинский, 1972, с. 58], хотя после летнего погрома 1938 г. ни он там не учился, ни Алексеев не учил. Так в педагогике реализовался партийный лозунг «Пятилетку — за три года», а в справочники вошла противоречащая арифметике информация об окончании в 1938 г. 4-го курса студентом, начавшим учёбу в 1935 г. (см., напр. [Милибанд, 2008, кн. 2, с. 469; Петров, 2010, с. 843]).

Почти через семь десятилетий передовик откровенно поведал о секрете своего «большого скачка». Ларчик открывался просто: всего двух оставшихся после 3-го курса студентов присоединили к группе пятикурсников. Формальный и не воплотившийся в жизнь перевод на 5-й курс был смело приравнен к реальному окончанию 4-го курса [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 173]. Неприятательным директивным органам такой фастфуд казался вполне съедобным, поэтому в нацеленном на практику китайском секторе Московского института востоковедения полный курс обучения вообще составлял всего три года. В не успевавшем за столичным ускорением Ленинградском университете всё-таки сохранялся пятилетний стандарт высшего образования, и не исключено, что именно идеологически грамотное выступление во весь комсомольский голос помогло перескочить ступень в обучении бойкому третьекурснику, которого потом сам громовержец сталинской прокуратуры А.Я. Вышинский (1883–1954) окрестил Громкинским [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 253].

Покинув альма-матер раньше времени, в отличие от несчастного А.А. Штукина его оппонент оказался в среде садоводов, а не посадок. В августе 1938 г. он стал чекистом: сначала переводчиком в 5-м

(иностранным) отделе Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР, в 1939 г. — старшим оперуполномоченным и с 10 мая — начальником 13-го отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, в середине мая переводил в Кремле лично Сталину [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 174–175], 1 октября 1939 г. вылетел за границу в солнечный Урумчи, 27 апреля 1940 г. был награждён нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД» [Петров, 2010, с. 843] и в апреле 1941 г. принят в члены ВКП(б). В начале чекистской карьеры им руководил участвовавший в 1939 г. в аресте Н.И. Ежова (1895–1940), один из асов советской внешней разведки, полпред, главный резидент и посол в Китае (1939–1944, 1952–1953) А.С. Панюшкин (1905–1974), который заботился о синологической подготовке своих кадров и во время войны организовал при советском посольстве в Чунцине курсы по изучению китайского языка [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 186].

Быстро продвигаясь по карьерной лестнице профессионального разведчика: став в марте 1941 г. начальником отделения 5-го отдела 1-го Управления НКГБ СССР, 11 августа 1941 г. начальником 2-го отделения 7-го отдела, 30 ноября 1941 г. начальником 3-го (Синьцзян, Монголия, Тува), 1 июля 1942 г. 2-го (Китай) отделения 4-го отдела 1-го Управления НКВД СССР, 14 мая 1943 г. начальником 2-го отделения 4-го отдела 1-го Управления НКГБ СССР [Петров, 2010, с. 843], С.Л. Тихвинский нёс также дипломатическую службу, с декабря 1943 г. в должности второго секретаря Посольства СССР в Китае, а параллельно в 1941 г. экстерном окончил китайское отделение Московского института востоковедения и в 1943 г. поступил в заочную аспирантуру Тихоокеанского института АН СССР, один из директоров которого — большевик-подпольщик, первый представитель Коминтерна в Китае и профессиональный разведчик-нелегал Г.Н. Войтинский (Зархин, 1893–1953) сделался его научным руководителем.

Шестью годами ранее этот не знавший китайского языка и окончивший в 1907 г. четыре класса городского училища профессор (15.09.1935) и доктор экономических наук (29.12.1935; без защиты) выезжал в Ленинград для проверки Института востоковедения в стиле «ревизии» хэшана Аликэ, что В.М. Алексеев болезненно описал в письме президенту АН СССР В.Л. Комарову (1869–1945) от 22 июня 1937 г.: «Поражённый, вследствие горестного переживания речей Деборина, Орбели и НС (непременного секретаря Академии наук Н.П. Горбунова. — А.Х.), а также глумливого, дерзкого, грубого поведения безграмотной комиссии невежд во главе с Войтинским, “обследовавшей” ИВ самым скандальным образом, — поражённый сердечным припадком 7-го июня среди заседания, на котором Вой-

тинский глумился надо мною как председателем научного собрания и учёным, я захворал и сейчас по предписанию врачей сижу в деревне» (цит. по [Хохлов, 2008, с. 454]).

Вопреки трудностям войны и службы, подойдя к делу постахановски, за полсрока написав кандидатскую диссертацию «Принцип Сунь Ят-сена “национализм” и его внешняя политика», 30 июля 1945 г., во время проведения Потсдамской конференции (17.07–02.08.1945), С.Л. Тихвинский защитился в Институте истории АН СССР, где также работал гонитель его первого учителя и новый патрон Г.Н. Войтинский.

Сразу же после этого, летом победного 1945 г. в режиме нон-стоп свежеиспечённый кандидат наук без стеснения поступил в заочную докторантуру АН СССР под руководство В.М. Алексеева, для которого тогда настал кратковременный период смены гонений на фавор у властей. Двумя годами ранее через своего коллегу, секретаря и советника Посольства СССР в Китае, Н.Т. Федоренко, только что феерически ставшего доктором наук, подполковник госбезопасности (16.08.1943) С.Л. Тихвинский установил связь с В.М. Алексеевым, в письме ему от 3 октября 1943 г. скромно представившись «бывшим учеником» (цит. по [Хохлов, 2009, с. 458]). Так, сделав бывшему наставнику предложение, от которого тот не смог отказаться, он стал его учеником во второй раз.

Решимости сразу после кандидатской взяться за докторскую, видимо, прибавило личное общение с В.М. Алексеевым в Ленинграде 26–27 июня 1945 г., когда С.Л. Тихвинский, сопровождая прибывшего в СССР (23.06.–16.08.1945) на празднование 220-летия АН СССР начальственного Го Мо-жо (郭沫若, 1892–1978), выяснил, что для устного общения с ним академик нуждается в переводе, поскольку сам говорит на классическом литературном языке *вэнь-яне* и уже не понимает современной китайской речи [Тихвинский, 2006, с. 18, 54–55, 200]. Знаменательно, что, как на проработке в 1938 г., хотя и в совершенно ином – хвалительном, а не хулителем контексте, С.Л. Тихвинский вновь поставил В.М. Алексееву на вид небрежение современным разговорным языком ради устаревшего письменного *вэнь-яня*.

За этим в свою очередь стояла полемика ленинградских и московских китаистов: первые считались аполитичными классицистами, знающими китайский язык, но не Китай, а вторые — политизированными современниками, знающими Китай, но не китайский язык. К тому же те и другие по-разному трактовали сам китайский язык: для первых это был прежде всего *вэнь-янь* как воплощённое в классической литературе письменное выражение национальной культуры, для вторых — *бай-хуа* как воплощение народного духа и средство живого общения.

Несмотря на столь удачное начало докторантуры, С.Л. Тихвинский, согласно автобиографии, написанной 17 июля 1957 г., в 1948 г. был из неё отчислен, «т.к. находился в заграничной командировке» (цит. по [Хохлов, 2009, с. 453]). Приведённая мотивировка вызывает недоумение: С.Л. Тихвинский числился в заочной докторантуре именно потому, что находился на службе за границей (сначала вторым секретарём Посольства СССР в Китае, затем с декабря 1946 г. — вице-консулом Генконсульства СССР в Пекине, а с апреля 1948 г. — генеральным консулом СССР в Бэйпине), и этот статус, как явствует из случая с Н.Т. Федоренко, создавал огромные преимущества, а не служил основанием для отчисления. Некоторый свет на эту таинственную историю проливают письма С.Л. Тихвинского В.М. Алексеёву 1943–1951 гг., обнародованные А.Н. Хохловым [Хохлов, 2009, с. 458–466].

С.Л. Тихвинский — подполковник ГБ и генконсул СССР в Пекине (Бэйпине) с супругой Верой Никитичной Тихвинской (Березиной).
1949 г.

Прежде всего, будучи профессиональным дипломатом, С.Л. Тихвинский тонко нюансировал своё отношение к адресату обращениями и подписями. Первые варьируют от «глубокоуважаемого» и «многоуважаемого» до просто «уважаемого», делового «здравствуйте» и вообще отсутствия каких-либо вводных слов, а вторые — от «Ваш ученик», «Ваш бывший ученик» и «Ваш недостойный ученик» до «уважающий Вас» и просто «Ваш С. Тихвинский». Выражения «Ваш бывший ученик» в зондажном письме № 1 от 03.10.1943 и «Ваш недостойный ученик» в письме № 5 от 21.04.1948, видимо, намекают на печальный первый раунд их взаимоотношений в 1938 г. Эти же ритуальные формулы отражают начало охлаждения в 1947 г. (письмо № 4 от 01.03.1947), его развитие в следующем году (письмо № 6 от 15.06.1948), кульминацию в 1950 г. (письмо № 9 от 28.07.1950) и вновь

потепление в следующем году (письма № 11 и 12 от 14.01.1951 и 18.03.1951).

О сложившейся к лету 1950 г. проблемной ситуации свидетельствует то, что, «полностью закончив» к весне 1950 г. работу над диссертацией (письмо № 8 от 07.03.1950; цит. по [Хохлов, 2009, с. 463]), докторант так и не смог вручить её завершающую третью часть своему научному руководителю.

Вернувшись в июне 1950 г. в СССР для очередного повышения по службе: смены поста советника Посольства СССР при Центральном Народном Правительстве Китая на начальника 5-го отдела 3-го Управления Комитета информации (КИ) при МИД СССР (органа военно-политической внешней разведки, существовавшего с 1947 по 1958 г.), С.Л. Тихвинский неожиданно столкнулся с обструкцией своего научного руководителя, избегавшего встреч с ним и допустившего утрату им статуса докторанта. Отсюда его дипломатичные укоризны В.М. Алексееву, напоминающие сетования покинутого супруга: «Месяц тому назад, 19 июня, приехав на один день в Ленинград, я безуспешно пытался найти Вас в Институте востоковедения и у Вас на квартире. <...> Буду крайне признателен Вам за сообщение о том, по какому адресу я мог бы разыскать Вас в Ленинграде и когда, по времени» (письмо № 9 от 28.07.1950); «Я получил Ваше письмо, в котором Вы сообщаете, что будете в Москве 17–18 августа, но, к сожалению, Вы не указали адреса, по которому я мог бы найти Вас. Все мои попытки разыскать Вас в Москве не увенчались успехом, и я вынужден снова беспокоить Вас письменно, с просьбой сообщить мне, где и когда я мог бы встретиться с Вами. <...> В ожидании Вашего приезда в Москву я побывал у тов. [С.Д.] Дылыкова, нового учёного секретаря ИВАН`а, который меня весьма озадачил, заявив, что из Ленинграда никто не сообщал о том, что я являюсь докторантом-“безотрывником” (без отрыва от производства), и посоветовал мне написать Вам, чтобы все мои документы были из Ленинграда пересланы в Москву, в ИВАН. Буду Вам весьма признателен за ответ и присылку в Москву подтверждения, что с августа 1945 г. по настоящее время являюсь докторантом ИВАН`а по китайскому сектору» (письмо № 10 от 23.08.1950) (цит. по [Хохлов, 2009, с. 464–465]). Настроение В.М. Алексеева объясняет дневниковая запись 1950 г.: «Ничего не пишу: боюсь. И так провёл весь год» (цит. по [Баньковская, 2010, с. 416]).

Потепление в письмах наступило после того, как через полгода С.Л. Тихвинского «вновь зачислили в докторантуру, поставив условием защиту к 1 мая с.г.», т.е. 1951 г. (письмо № 11 от 14.01.1951; цит. по [Хохлов, 2009, с. 465]). Следующее письмо (№ 12 от 18.03.1951) свидетельствует о полной решимости докторанта как дисциплинированного военного защититься в установленный краткий срок: он нашёл

оппонентов и заканчивал автореферат, правда, начались странности: В.М. Алексеев, так и не получив третью часть работы, т.е. не ознакомившись с нею в полном объёме, через жену посоветовал С.Л. Тихвинскому найти другого научного руководителя, а тот в ответ попросил вернуть ему экземпляры первой и второй частей диссертации (см. [Хохлов, 2009, с. 464–465]).

В результате по-военному спланированный блицкриг а-ля Федоренко не удался. К празднику Первомая докторант отправил научному руководителю лишь поздравительную открытку (см. [Хохлов, 2009, с. 466]) и в «Воспоминаниях» 2005 г. признался: ему «не довелось ознакомиться с окончательным текстом моей диссертации» [Тихвинский, 2006, с. 253]. Следовательно, он не дал необходимый отзыв с рекомендацией к защите. Однако позднее невыход на защиту объяснялся смертью В.М. Алексеева, наступившей тоже в мае этого года. Можно также предположить, что в разгар Корейской войны (1950–1953), когда над миром нависла ядерная угроза и резко обострились китайские проблемы, С.Л. Тихвинскому самому было не до диссертации из-за участия в какой-то крупной разведывательной операции, за что 7 июня он получил повышение, став заместителем начальника 3-го Управления КИ при МИД СССР, а 12 июля 1951 г. награждён орденом «Знак Почёта». В его статье 2004 г. об Алексееве раскрытие тайны, увы, не произошло: «По возвращении из Нью-Йорка после окончания V сессии Генеральной Ассамблеи ООН в январе 1951 г. я посетил Василия Михайловича и имел с ним обстоятельный разговор о моей докторской диссертации. К сожалению, вернувшись из очередной заграничной командировки, я не застал В.М. Алексеева в живых» [Тихвинский, кн. 5, 2006, с. 20]. Напротив, туман сгустился, поскольку, согласно упомянутой поздравительной открытке от 29.04.1951 из Москвы и собственным «Воспоминаниям» 2005 г. [там же, с. 247–250], в период, когда планировалась защита и умер В.М. Алексеев, как минимум с конца апреля по середину июня С.Л. Тихвинский находился в Москве, а не в заграничной командировке.

С.Л. Тихвинский (*второй справа*) с министром иностранных дел А.Я. Вышинским (*третий слева*) на корабле «Либерте» 22.12.1950 после окончания V сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Доктором наук С.Л. Тихвинский стал только через два года, но зато в знаменательный день — 22 июня 1953 г., через 12-летний цикл после начала Великой отечественной войны и в момент достижения высшей власти (должности первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и главы МВД, объединённого с МГБ) Л.П. Берией (1899–1953). Под эгидой всеильного министра С.Л. Тихвинский 3 июня 1953 г. стал помощником начальника 2-го Главного управления (ВГУ) МВД СССР, занимавшегося внешней разведкой.

Вызывает удивление время защиты — между смертью Сталина 5 марта и арестом Берии 26 июня 1953 г., когда новый сотрудник, только что прибывший в недавно (14.03.1953) сформированное подразделение МВД из заграничной командировки в Нью-Йорк (18.04.–11.05.1953), где он действовал под прикрытием должности помощника Генерального секретаря ООН и руководителя департамента по делам Совета Безопасности при секретариате ООН, казалось бы, должен был с головой уйти в свои прямые служебные обязанности, а не заниматься побочным промыслом. Объяснением может служить или давшая известную свободу вакантность в данный период (29.05.–17.07.1953) должности начальника ВГУ, или покровительство старого куратора — комиссара госбезопасности А.С. Панюшкина, хотя и находившегося в резерве, но уже готовившегося 18 июля 1953 г. занять эту должность, на которой он руководил С.Л. Тихвинским до 9 декабря 1953 г., а сам пробыл ещё до 17 марта следующего года [Петров, 2010, с. 66]. Общее китайское прошлое должно было побуждать к подобному содействию в китаеведении.

Постфактум странность даты проведения защиты, видимо, смутила самого диссертанта, поскольку в «Воспоминаниях» 2005 г. он

указал иную — 31 июля 1953 г. [Тихвинский, 2006, с. 254], т.е. уже после ареста Берии, хотя в упомянутой автобиографии 16.05.1966 привёл внесённую в справочники — 22 июня 1953 г. [Хохлов, 2009, с. 453], а в заполненной тогда же анкете сообщил об утверждении диссертации решением ВАК от 31.10.1953, т.е. с поразительной для таких дел оперативностью.

Ясно, что совершенно аномальная в этом курьерском движении предшествующая задержка с защитой была вызвана особой позицией научного руководителя, отгородившегося от докторанта, как в университетском прошлом, когда бесогонным экраном служила крышка чемодана.

С иначе мотивированным, но значительно более длительным торможением столкнулся даже Л.З. Эйдлин, к которому и в ученические годы, по наблюдению С.Л. Тихвинского, В.М. Алексеев относился не в пример лучше [Тихвинский, 2006, с. 173]. В марте 1944 г. он был утверждён докторантом Института востоковедения АН СССР с научным консультантом В.М. Алексеевым, энергично одобрившим написание диссертации о поэзии Мэн Хао-жэня (孟浩然, 689–740; см. ниже по-алексеевски на карточках составленный план), но в конце 1946 г. категорически отказался от этой темы и получил докторскую степень лишь через четверть века за монографию о совсем другом поэте — Тао Юань-мине (陶淵明, 365–427), (подробно см. [Смирнов, 2014, с. 530–537]), пройдя защиту 25 апреля 1968 и получив утверждение почти через год 14 февраля 1969. В.М. Алексеев предъявлял к своим подопечным столь высокие научные требования, что не всем они были по плечу.

План докторской диссертации Л.З. Эйдлина о Мэн Хао-жане, составленный по карточному методу В.М. Алексева.

Из писем С.Л. Тихвинского проглядывает и вероятный повод к неудовлетворённости им со стороны его наставника. Письмо № 3 от 16.07.1946 гласит: «Согласно указаний, полученных от Вас перед моим отъездом, основной упор в диссертации я собираюсь сделать на проблемах интерпретации Кан Ю-вэем конфуцианской философии и применения её к тем новым условиям жизни, в которых Китай оказался к концу XIX века» (цит. по [Хохлов, 2009, с. 460]). О подходе С.Л. Тихвинского к конфуцианской философии можно судить по основанной на диссертации «Движение за реформы в Китае в конце XIX века» и опубликованной им в 1959 г. монографии «Движение за

реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вэй», где в начале гл. III «Теоретическое обоснование Кан Ю-вэем необходимости реформ» сказано: «Конфуцианская философия в интерпретации сунской школы (сунсюэ), проповедовавшая рабское подчинение народа императорской власти, низов — верхам, вполне устраивала маньчжурскую монархию и правящий класс феодалов-помещиков»; авторы «сухих и надуманных афоризмов» — «философы-комментаторы Сунской эпохи» «являлись идеологами правящего китайского феодального класса. Созданная ими идеалистическая система обосновывала господство феодально-помещичьего строя» [Тихвинский, 1959, с. 72, 362, примеч. 1; Тихвинский, 2006, кн. 1, с. 99, 125, примеч. 1]. И теоретически, и стилистически совершенно иным был взгляд В.М. Алексеева на «конфуцианский ренессанс XI–XII вв.»: «Волна воодушевления охватила конфуцианских учёных этого времени, оказавшихся к тому же первоклассными литературными талантами», и они «завершили культурный цикл китайского национального прогресса, предоставив в дальнейшем окружать себя кое-какими стройками, но возвышаясь среди них Мавзолеем» [Алексеев, 2002, с. 80–81].

С.Л. Тихвинский бряцал лозунгами агитпропа и в библиографии на первые места, даже перед источниками поставил труды основоположников марксизма-ленинизма и руководителей Коммунистической партии Китая [Тихвинский, 1959, с. 402; Тихвинский, 2006, кн. 1, с. 408], а В.М. Алексеев говорил на языке классической синологии и, по сообщению известного историка философии В.В. Соколова, прославился высказыванием, что набалдашник его палки больше смыслит в Китае-ведении, чем такой классик марксизма, как Г.В. Плеханов (1856–1918). Прийти к общему знаменателю они не могли, а откровенно критиковать высокопоставленного сотрудника спецслужб, особенно в условиях политической истерии позднесталинского периода, затравленный академик не смел. Результатом и стало затягивание процесса, окончания которого В.М. Алексеев не дождался, уйдя в мир иной 12 мая 1951 г. С.Л. Тихвинский не мог не обидеться на подобное поведение своего руководителя, тормозившего его защиту, о чём ярко свидетельствует зияющее отсутствие имени В.М. Алексеева в монографии 1959 г., производной от диссертации, которая формально была создана под его руководством. Так С.Л. Тихвинский отрёкся от учителя во второй раз.

Очевидно, ответным жестом такого же тормозящего характера и стала негативная рецензия «недостойного ученика» на «Рабочую библиографию» наставника, в которой как раз отсутствовали любезные его сердцу труды основоположников марксизма-ленинизма и руководителей Коммунистической партии Китая. Так С.Л. Тихвинский, подобно апостолу Петру, отрёкся от учителя в третий раз.

Возможно, он искренне выражал принципиальную позицию «советского учёного», поскольку при переиздании своей книги в 2006 г. [Тихвинский, 2006, кн. 1, с. 8–415] сохранил все ссылки на развенчанных классиков «партийной науки» и даже их библиографическое первенство, удалив только идеологический эпитет «товарищ» перед именем Мао Цзэ-дуна [Тихвинский, 1959, с. 22; Тихвинский, 2006, кн. 1, с. 39]. Но эту позицию следовало выразить открыто, а не в роли тайного цензора, блокировавшего издание учителя посредством закрытой рецензии, что воленс-ноленс рождает подозрение в более глубоком и сильном мотиве, связанном со стремлением ослабить других учеников В.М. Алексеева в похожей на конкуренцию детей лейтенанта Шмидта борьбе за лидерство в советском китаеведении.

30 сентября 1970 г. умер главный претендент на синологический трон в стране Н.И. Конрад, а через три месяца наступило празднование 90-летия со дня рождения В.М. Алексеева. 25 января 1971 г. состоялась посвящённая ему научная сессия в ИВ АН СССР, и через год вышел юбилейный сборник «Литература и культура Китая», редколлегию которого составили главным образом ученики юбиляра, в том числе Л.З. Эйдлин и возглавивший её Н.Т. Федоренко, чьи статьи поставлены на первое и второе места. В открывшем сборник введении «От редколлегии» воспроизведён подписанный «крупнейшими советскими учёными» некролог из газеты «Ленинградский университет» (17.05.1951), в котором В.М. Алексеев назван «крупнейшим русским востоковедом, главой советской китаистики» [Литература и культура Китая, 1972, с. 5]. Фестшрифт к круглой дате со дня рождения открыт некрологом — это всё равно что вместо «за здравие» начать «за упокой». Для подобного кунштюка нужна особая причина. Ретроспективно она видится в стремлении тандема Федоренко—Эйдлина объявить себя научными душеприказчиками В.М. Алексеева и возглавить китаеведение в СССР.

Истоки их притязаний распоряжаться грандиозным наследством восходят ко всё той же драме 1937–1938 гг. К только что лишившемуся двух ближайших учеников В.М. Алексееву прибыла ещё одна пара молодых китаистов, которых сразу после окончания Московского института востоковедения (в справочнике [Милибанд, 2008, кн. 2, с. 533] окончание Н.Т. Федоренко МИВа ошибочно датировано 1934-м г., когда он в него поступил; см. копию диплома первой степени [Холов, 2012, с. 90–91]) отправил в Ленинград для убережения от столычной чистки директор вуза, старый большевик и участник гражданской войны А.С. Перевертайло (1897–1990). Его неожиданное напутствие со слов Л.З. Эйдлина опубликовал И.С. Смирнов: «Видите, что вокруг творится, я сам вряд ли усижу, а вам лучше на время исчезнуть из Москвы. Удалось договориться, поедете в Ленинград к ака-

демику Алексееву, он нас, здешних, не любит, но сейчас не до таких мелочей — поезжайте» [Смирнов, 2014, с. 524–525].

В отличие от Н.Т. Федоренко, представившего себя с однокурсником в мелькнувших в Интернете мемуарах «перлами учёности, которых из многочисленных претендентов по результатам экзаменов отобрал “академик синологии”», Л.З. Эйдлин в приватной беседе честно признался, что «В.М. Алексеева потрясло невежество двух свежеспечённых коллег». Это немудрено, поскольку полученный ими диплом МИВа свидетельствует лишь о трёхлетнем обучении в китайском секторе китайскому, английскому и японскому языкам, физической географии и истории Китая, политэкономии, диамату, истмату и военному делу, ничего не говоря о приобретённой ими специальности в целом и изучении китайской литературы в частности. Однако В.М. Алексеев понял их ситуацию и условно принял в аспирантуру. Убедительно предположение И.С. Смирнова, что «свою роль в небывалой снисходительности В.М. Алексеева сыграла недавняя потеря любимых учеников» [там же, с. 524–525].

По отношению к удачно замесившим их новобранцам В.М. Алексеев, согласно Н.Т. Федоренко, «с первого же дня проявил себя неистовым куратором», что резко контрастировало с его чемоданным отгораживанием, как от бесов, от С.Л. Тихвинского с соучениками, а поскольку страсть рождает страсть, энтузиазм наставника привёл к тому, что «Эйдлин буквально загорелся» (цит. по [там же, с. 526]). Ближайшим результатом этого «загорания» стала написанная им под руководством В.М. Алексеева и защищённая в 1942 г. в Фергане кандидатская диссертация «Четверостишия Бо Цзюй-и (771–846)» [Эйдлин, 1942] (см. ниже воспроизведение титула 3-ей книги этого обширного опуса), с помощью которой он утвердился главным учеником академика. Эта до сих пор неизданная, но планируемая к публикации в «Архиве российской китаистики», работа подражает магистерской диссертации В.М. Алексеева «Китайская поэма о поэте: Стансы Сыкун Ту (837–908)», которая увидела свет в Петрограде в 1916 г. в виде фолианта из 788 страниц и была переиздана с исправлениями и дополнениями в 2008 г. [Алексеев, 2008, с. 13–576]. В обоих обширных исследованиях тщательно, но без рифмы переведён и подробно прокомментирован небольшой поэтический материал эпохи Тан (618–907). Для полного воцарения в сердце учителя Л.З. Эйдлин потеснил оттуда своих предшественников: не называя имён, что можно отнести на счёт цензуры, он процитировал переводы Ю.К. Щуцкого и Б.А. Васильева, подвергнув их нелицеприятной критике.

Будучи выходцем из малограмотной семьи местечкового еврейского ремесленника, в начале пребывания в Москве даже испытывая затруднения с правильным изъяснением по-русски, Л.З. Эйдлин стре-

мился стать роялистом большим, чем сам король, и уже в первые послевоенные годы облачился в тогу носителя высокой культуры, русского поэта-переводчика и столпа отечественной китаистики. Видимо, ощущая своё сходство с В.М. Алексеевым как *self-made man*ом, он в педагогической практике тоже допускал барствленную надменность. По воспоминаниям А.И. Картуновой, посещавшей его занятия в МИВе на четвёртом курсе во втором семестре 1945–1946 учебного года, Л.З. Эйдлин преподавал китайскую классику и всячески демонстрировал студентам своё превосходство, иногда доходившее до насмешек. Один такой эпизод имел печальное последствие. Студентка Степанищева не могла перевести фрагмент из «Лунь-юя» и воспользовалась подсказкой сокурсницы Е.И. Рождественской (Молчановой, 1922–2014), которая ей подсунула вместо Конфуция перевод из «Мэн-цзы». Едкий педагог отреагировал грубой шуткой с другой подменой: «Крой дальше, Солдатищева!» В итоге униженная студентка бросила институт в конце четвёртого курса. Общая убыль китаистов в процессе подобного обучения, хотя и не достигла почти истребительно рекорда 1938 г., составила также немалую величину в две трети: из 75 поступивших на первый курс окончили институт 25.

Нельзя не оговориться вслед за И.С. Смирновым, что совершенную и пожизненную очарованность образом своего учителя Л.З. Эйдлин сочетал «в собственной душе с иными, чуждыми Алексееву страстями и порывами» [Смирнов, 2014, с. 527]. Эти «страсти и порывы» не могли не сказаться на взаимоотношениях ученика с учителем, в которых скрыта своя тайна. В диссертации о Бо Цзюй-и (白居易, 772–846) из более чем 850 его четверостиший (*цзюэ-цзюй* 絕句 — «оборванных строк») Л.З. Эйдлин перевёл 209, а из них в трёх наиболее полных подборках по неясной причине совокупно опубликовал лишь 154 [Бо Цзюй-и, 1949; 1951; 1958], причём в двух последних изданиях также непонятно зачем заменил три стихотворения другими [Бо Цзюй-и, 1949, с. 95, 130, 146; 1951, с. 95, 130, 146; 1958, с. 113, 149, 165], поместив во втором сборнике новые на освободившиеся страницы и сохранив в нём, а также следующем издании их общее исходное число 151. Странно, почему успешная публикация четверостиший Бо Цзюй-и сначала тиражом в 10000 экземпляров, через два года — в два раза большим, а по прошествии семи лет опять десяти тысячным тиражом не привела к изданию всех 209, уже переведённых. Тем более странно, что и доброжелатели (В.М. Алексеев), и оппоненты (Л.Д. Позднеева) упрекали его в нерепрезентативности такого количества. Этим череда загадок не ограничивается.

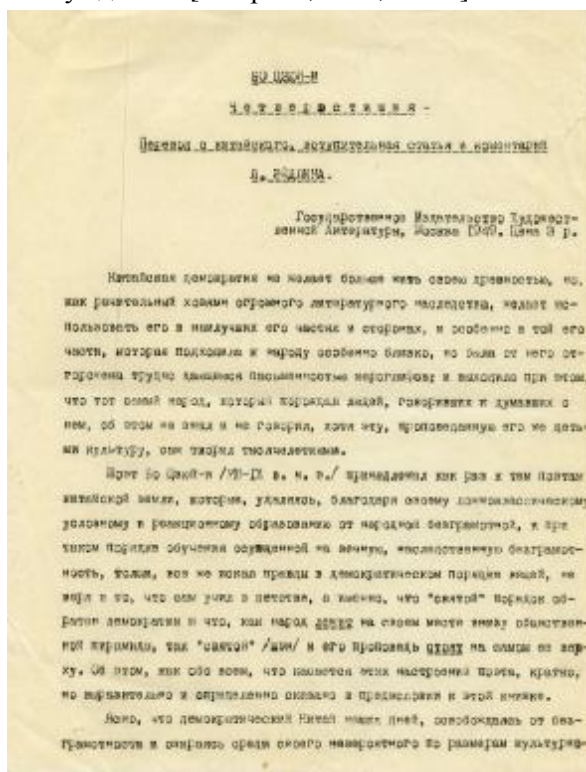
В первом сборнике 1949 г. — «изящной книжице с вступительным словом Го Мо-жо, — по выражению И.С. Смирнова, — предполагалось предисловие Алексева» [Смирнов, 2014, с. 540]. Однако

в нём отсутствует и то и другое, а имеется только введение самого Л.З. Эйдлина с заключением: «Борьба, ведущаяся с гоминдановскими (так. — *А.К.*) прислужниками американского империализма за народную демократию, есть борьба и за сохранение культурного наследия китайского народа, в которое входят стихи классика китайской литературы, народного поэта Бо Цзюй-и» [Бо Цзюй-и, 1949, с. 19]. Поскольку книга была подписана к печати 24 марта 1949 г., данный пассаж, отражавший официальную позицию СССР до провозглашения КНР, через полгода уже устарел. Поэтому в одноимённом издании 1951 г. то же введение завершено иначе: цитатами из выступления Мао Цзэ-дун на 7-м съезде КПК (1945 г.) и из статьи Ю Го-эня (游国恩, 1899–1978) в официозе «Жэнь-минь жи-бао» (1951 г.), которые венчает политически выверенная формулировка: «В великой победе, одержанной под руководством Китайской коммунистической партии, народ вновь обрёл создававшуюся им в течение тысячелетий культуру. Трудящиеся Китая, развивая новую, демократическую литературу и искусство, бережно хранят своё культурное наследие, в которое входят стихи классика китайской литературы, народного поэта Бо Цзюй-и» [Бо Цзюй-и, 1951, с. 20].

Сборник 1951 г. фактически — переиздание сборника 1949 г., отличаясь от последнего: 1) тремя заменёнными четверостишиями, 2) четырьмя добавленными стихотворениями, 3) окончанием предисловия и 4) суперобложкой. Однако в нём нет никаких сведений о предшествующем издании, что с учётом изменённого суперобложкой внешнего вида можно объяснить житейским стремлением создателей к оплате, положенной первому, а не второму изданию. Напротив, издание 1958 г., имеющее больше отличий от предыдущего: 1) восемь добавленных стихотворений, 2) изменённую архитектонику, 3) предисловие Го Мо-жо, 4) новую твёрдую обложку, 5) новую суперобложку и 6) дополнительные гравюры М.И. Пикова (1903–1973), — верно помечено как «третье, дополненное» [Бо Цзюй-и, 1958, с. 4].

С проявленным переводчиком конъюнктурным и сервильным подходом к творчеству классика китайской литературы вряд ли мог согласиться В.М. Алексеев, неожиданно написавший вместо хвалебного предисловия критическую рецензию на сборник 1949 г. [Алексеев, 1950]. Этот конфликт описал И.С. Смирнов, владеющий машинописной рукописью рецензии (14 л.) и ответным письмом Л.З. Эйдлина от 12 марта 1950 г. с пометами адресата красным карандашом (4 л. убогистого текста; копии начальных листов обоих текстов см. ниже): «В.М. Алексеев отозвался на переводы Бо Цзюй-и пространной рецензией, по его высочайшей мерке — доброжелательной, по меркам времени и большинства современников — чуть ли не разгромной. Горько читать, как в письме-отзыве о рецензии ученик пытается объ-

яснить учителю, какими губительными могут оказаться в искажённом нравственном контексте его безупречно объективные соображения — они говорят на разных языках, живут в разных мирах, по разным нравственным нормам. Ни единого слова не исправил Л.З. Эйдлин в своих переводах по замечаниям В.М. Алексева, Алексей смягчил самые резкие суждения» [Смирнов, 2014, с. 541].

Начало рецензии В.М. Алексева, 1950 г.

Handwritten text in Russian, dated 12.03.1950. The text is written on aged paper and contains several paragraphs of cursive script. There are some red markings and underlines. The text appears to be a letter or a set of notes, possibly related to a review or a request for publication, as mentioned in the caption.

Начало письма Л.З. Эйдлина В.М. Алексееву от 12.03.1950.

Более внимательное рассмотрение этих ярких документов, любезно предоставленных владельцем автору настоящей статьи, и их сравнение с последующими публикациями позволяет уточнить в целом справедливый вывод И.С. Смирнова. Письмо Л.З. Эйдлина по форме — пунктуальное выдвижение целого ряда «весьма существенных замечаний» (л. 1), а по существу — мольба о пощаде с конечным призывом: «Очень прошу Вас такую рецензию не печатать» (л. 4). Отметивший эту просьбу тройным NB, рецензент, однако, не внял просьбе ученика, в Р.Р.С. рассыпавшегося в «тысяче благодарностей и не меньшем количестве извинений» (л. 4). В самом деле, честно учтя многие замечания, В.М. Алексеев всё же опубликовал уничтожающий отзыв с таким, например, смягчением исходной формулировки: «не перевод, а как бы вялый и жеманный лепет», где

добавлено «как бы» [Алексеев, 1950, с. 102], и сохранением остальных не менее жёстких: «Даже отойдя от китайского оригинала, можно найти десятки расстроенных, попросту неуклюжих стихов: то они давят своими паузами (стр. 138), то это разброд слов без какого-либо русского тона (стр. 54, 82), то расстановка слов невыработана и неуклюжа на протяжении части стихотворения, а иногда и целого (стр. 78, 82, 100, 167), то, наконец, некоторые слова перевода вообще сбивают читателя с толку и тона <...> Иногда из-за этого трудно понять логику образов стихотворения (стр. 58, 34, 114, 54, 48, 158, 144 и др.), а примечания в конце книги даны слишком скупо» [там же, с. 104].

В.М. Алексеев убрал упрёк в непредставительности для творчества Бо Цзюй-и лишь «четверостиший (а тем более, ничтожной их части, не более 15 %)» (рецензия, л. 2), на который Л.З. Эйдлин отреагировал весьма эмоционально: «Это то, что с пеной у рта на всех перекрёстках кричит Позднеева» (письмо, л. 1), — но сохранил главный тезис о совершенной неправомерности отказа от рифмы, не компенсируемого никакими другими художественными средствами: «отдалённая проза белых стихов вряд ли отражает стих оригинала, мускулистый, ядрёный, сильный, совершенный» [Алексеев, 1950, с. 102]. Рецензент не просто провозгласил, но подробно развил это никак не оспоренное переводчиком принципиальное положение: «Если бы перевод Л. Эйдлина был сделан при обязательном учёте достоинств оригинала, то много слов перевода, *с первого взгляда* (курсивом выделено добавленное для смягчения. — А.К.) незначущих, вялых, монотонных, нерельефных, нехарактерных, скучных (убрано: плоских, банальных, детских. — А.К.), безличных, бесстильных, были бы определённо заменены более сочными, живыми, “новыми”, сильными и стильными. По-моему, и тон и ноты-слова надо было бы искать не в себе (убрано: и не в самолюбовании (оно где-то, всё-таки, таится). — А.К.), а непосредственно в оригинале (убрано: который, как видно, размечен — тоже и не хуже любой музыкальной партитуры и нотации. — А.К.). Конечно, всё это разными обходными путями, в конце концов, приводит к ... рифме, ибо рифмованный оригинал, да ещё в Китае, где рифма сложнее, чем где-либо, да ещё у такого признанного её мастера, как Бо, никак не может распластаться в чужеродный белый стих и в слова, даже сами по себе не дающие ни семантики, ни звучания» [Алексеев, 1950, с. 103]. Зато не просто смягчением, а изменением смысла на противоположный обернулось сокращение следующей фразы: «Однако переводчик был совершенно прав, когда не шёл на рифму», — за которой следовало: «ибо, если, как увидим далее, он и с белым-то стихом не всегда, как следует, справляется, то что было бы, если бы он всё это подрифмовал!» (рецензия, л. 6).

В.М. Алексеев поднял и болезненный вопрос о предшественниках, в том числе репрессированных: «На русском языке издавались стихотворения Бо не раз»; «Чтобы незнакомый с делом человек не думал неосновательно, что эти переводы делаются, вообще, впервые и что доселе их не касалась ещё переводческая рука, надо бы, по общему обычаю, приложить список переводчиков этих китайских текстов на разные языки» (л. 2, 12). На это Л.З. Эйдлин ответил дважды: «Из 150 четверостиший, представленных мною, четыре (72 II, III, 105, 61), приписанные Лю Юй-си, переведены Щуцким и одиннадцать (26, 29, 31, переведённые Вами в “Сыкун Ту”, 36, 51, 58, 90, 110, 119, 126, 142) переведены Васильевым. Пятнадцать из ста пятидесяти»; с учётом иноязычных переводов «из ста пятидесяти восьми переведённых мною, по крайней мере сто двадцать или даже сто двадцать пять переведены впервые» (письмо, л. 1, 3). Если округление 151 до 150 вполне понятно, то появление числа 158 при скрупулезных подсчётах загадочно.

Замечание об ошибке Ю.К. Щуцкого, приписавшего Лю Юй-си (劉禹溪/錫, 772–842) четыре четверостишия Бо Цзюй-и, выглядит камнем в огород самого В.М. Алексеева, под редакцией которого они увидели свет [Антология, 1923, с. 24, 96, 97, 131] (в современном переиздании исправлено Л.Н. Меньшиковым [Дальнее эхо, 2000, с. 45, 170, 172, 218]). Ранее в диссертации Л.З. Эйдлин, не называя имён, ещё круче прошёлся по Б.А. Васильеву, переведшему 24 четверостишия Бо Цзюй-и, и соответственно редактору сборника Н.И. Конраду [Бо Цзюй-и, 1935]: «В вышедшей в 1923 г. “Антологии китайской лирики” помещена поэма “Лютня” и четыре четверостишия, ошибочно приписанных Лю Юй-си. В сборнике “Восток” (*Academia*) помещены переводы более двадцати четверостиший Бо. Переводы, включённые в этот сборник, сделаны небрежно, без должного уважения к автору, и считать эту работу серьёзной трудно» [Эйдлин, 1942, кн. I, с. 17].

Что же касается исправлений в переизданиях, то минимально они всё-таки были сделаны Л.З. Эйдлиным. К примеру, В.М. Алексеев отметил два расхождения с оригиналом в переводе «Окна на озеро» («Чи-чуан» 池窗): «На стр. 118 образ не тот и дословное “мысли бамбука глубоки” не даёт права на перевод “угрюмо темнеет бамбук” (я бы перевёл: “всё глубже мечтает бамбук”))» и «Как это “лотос теряет свой запах”, когда “над озером вечер”? (стр. 118). Известно, что бывает как раз наоборот, и ляпсус объясняется односторонним пониманием *фан* как запах: это слово в поэзии чаще значит, вообще, красоту цветка, и, затем, слово *се* не значит “терять”, а “уходить, прощаться”, так что весь стих я перевёл бы скорее так: “Пруд вечерееет... Скрывается лотос чудесный”» (рецензия, л. 9, 10). Во втором издании переводчик восстановил соответствующий замечанию рецензента свой диссертаци-

онный перевод «Глубоко раздумье бамбука» [Эйдлин, 1942, кн. IV, с. 361] сочетания *чжу и шэнь* 竹意深 (скорее означающего «бамбук стремится в глубину», т.е. прекращает рост, что естественнее для растения и сезона, представленного началом этой строки: *чуан цю* 窗秋 — «за окнами осень»), а также исправил свой равноценный предложенному рецензентом перевод сочетания *лянь фан се* 莲芳谢 (в более вероятном понимании: «лотос ароматно увядает») на «И спрятал красу свою лотос» [Бо Цзюй-и, 1951, с. 118].

Реакцией на уточнение смысла иероглифа *ин* 影 как «зрака, света, лика, фазы» луны, а не её «тени» (рецензия, л. 10) из четверостишия «В старом доме» («Цзю-фан» 旧房) явилось исправление выражения «новой тени след» [Бо Цзюй-и, 1949, с. 48], бывшего в диссертации «новым силуэтом» [Эйдлин, 1942, кн. III, с. 188], на «по-иному тень» [Бо Цзюй-и, 1951, с. 48]. Выявленное искажение реалии: «Неуклюжею русификацией отдаёт от перевода на стр. 95: “Я впустию лежал на весеннем окне”. Если где-нибудь это лежание на окне (да ещё “впустию”!) понятно, то не в Китае, где подоконников не бывает, и лежать, значит, негде» (рецензия, л. 10), — надо думать, привело к замене этого стихотворения «Мне снился мой брат Син-цзянь» («Мэн Син-цзянь» 梦行简) на другое. Попутно отмеченное В.М. Алексеевым со знаком вопроса, комическое написание на с. 171 «прикурнувши» вместо «прикорнувши» (рецензия л. 9) Л.З. Эйдлин тоже исправил, но лишь в третьем издании [Бо Цзюй-и, 1958, с. 189].

Видимо, гомеопатичность правки определялась не только тем, что строгого критика уже не было в живых, но и радикальностью его предложений, исполнение которых потребовало бы не косметического, а капитального ремонта. Хотя остаётся вопрос, почему Л.З. Эйдлин, признавший «особую ценность» именно для себя рецензии В.М. Алексеева, «написанной так, как учитель пишет ученику» (письмо, л. 1; в чём, конечно, сквозит и обида маститого 40-летнего учёного), не отправил ему сборник на просмотр до публикации, что позволило бы заблаговременно учесть все замечания. Или он считал совершенными свои переводы, уже одобренные В.М. Алексеевым в диссертации, или опасался показывать тому сборник, составленный без его ранее оговоренного предисловия. Последнее обстоятельство не могло не задеть за живое обойдённого наставника, несправедливо лишённого и профессиональной публикации, и заслуженного гонорара именно в тот год, когда у него не вышло ни одной работы. По-видимому, именно это прежде всего вызвало его резкую реакцию, ситуативность которой, однако, не противоречит и заботе о существовании дела.

В диссертации главной задачей при переводе четверостиший была точность, а не поэтичность, поэтому к полученным полуподстрочникам-полустихам у руководителя не возникло претензий. Но затем за-

щитившийся кандидат наук счёл свою гладкопись готовыми стихами, пригодными для издания хорошо оплачиваемым массовым тиражом, особенно на переводческом безрыбье и при спросе на китаистику, превышавшем предложение из-за политической конъюнктуры, с одной стороны, и почти поголовного истребления компетентных кадров — с другой. Драма Л.З. Эйдлина состояла в том, что он точность и правильность ставил выше художественности и оригинальности, а сам хотел быть скорее поэтом, чем учёным, сопоставив себя в письме (л. 2) с классиками поэтического перевода С.Я. Маршаком (1887–1964) и В.В. Левиком (1906–1982). В.М. Алексеев же прекрасно понимал, что поэтичность не в правильности, а, напротив, в нестандартности, поэтому раскритикованные Л.З. Эйдлиным менее точные, но более художественные переводы Ю.К. Щуцкого и Б.А. Васильева были ему гораздо ближе.

Отсюда ясна особая болезненность для Л.З. Эйдлина даже мягкого, но рушившего его последний оплот упрёка в неточности: «Неправильных переводов, вообще, не так много, и их лучше назвать неточными» (рецензия, л. 9). В письме (л. 2) данный пассаж назван «страшной по смертельной силе фразой», под которой «с величайшим удовольствием подписался бы, скажем, Конрад», — на что в свою очередь адресат откликнулся столь же эмоциональной карандашной надписью: «ого! идём в безгрешность!»

Если не неприличный, то странный отказ Л.З. Эйдлина от предисловия В.М. Алексеева объясним двумя противоположными стремлениями: отмежеваться от вновь попавшего в опалу учёного или, напротив, уберечь его от обнародования политически неосторожных высказываний. Действительно, рецензия В.М. Алексеева начинается утверждением: «Китайская демократия не желает больше жить своею древностью», — которое идёт вразрез с вышеприведёнными декларациями Л.З. Эйдлина из обоих предисловий (1949, 1951 гг.) и послесловия (1958 г.) и которое, разумеется, было снято при публикации.

Менее очевидна аполитичность стилистического возражения рецензента, напоминающего эстетическое расхождение А.Д. Синявского (1925–1997) с советской властью и направленного против примитивизирующей трактовки Бо Цзюй-и как классово близкого коммунистам «народного поэта»: «Русский переводчик должен быть прежде всего русским стилистом. Ему, по-моему, не следует действовать на упрощение литературного стиля, повинувшись предвзятым идеям и сведениям о сверхнароचितой, как отмечено в предисловии Л. Эйдлина, “простоте” стихотворного стиля Бо Цзюй-и. Переводчик, однако, не удержался на данной высоте, и стиль его перевода, порой очень тонкий и заботливый, в конце концов есть стиль упрощенческий: поэт скорее пересказан, чем переведён» [Алексеев, 1950, с. 102].

Амбивалентно отсутствие в первом и втором сборниках предисловия не только В.М. Алексеева, но и Го Мо-жо, написавшего его по протекции своего друга Н.Т. Федоренко и по просьбе переводчика 12 августа 1945 г. в Москве, за четыре дня до окончания вышеописанного пышного визита. С одной стороны, удивляет подобная просьба в ситуации, когда предисловие должен был писать В.М. Алексеев, с другой — оно не было издано при его жизни. И.С. Смирнов ошибся с датой, но не с тем, что вступительное слово Го Мо-жо всё-таки увидело свет — в сборнике 1958 г. [Бо Цзюй-и, 1958, с. 5–7], где к нему прибавлено дополнение, датированное 9 марта 1957 г. и содержательно состоящее из предисловия к совсем другому, японскому переводу Бо Цзюй-и 1955 г. [Бо Цзюй-и, 1958, с. 7–12].

Тогда возможность укоризны от В.М. Алексеева уже исчезла, а политическая значимость вступительного слова главы Академии наук КНР (1949–1978) и лауреата Международной Сталинской премии (1951) безмерно возросла. Самое же главное в нём — правильность идеологической позиции: Бо Цзюй-и — единственный поэт своего времени, пришедший к ясному осознанию, что «для того, чтобы должным образом понять истинный характер стихов и песен, чтобы вновь осуществить связь поэзии с нуждами государственного управления, нужно было вырвать её из рук аристократии и вернуть народу, от воспевания классов паразитических привести её к непосредственному выражению настроений классов производящих <...> У него был взгляд на поэзию, он хотел вернуть её в народные массы и все силы отдавал осуществлению своих идей» [Бо Цзюй-и, 1958, с. 5–6].

Эту «предвзятую идею» сложно увязать с отмеченным В.М. Алексеевым элементарным фактом, что «Бо, как известно, писал на языке, состоящем на 80–90 процентов из слов и словосочетаний, не имевшихся в слышимой речи того времени», т.е. не понятных «народной массе, осуждённой на вечную безграмотность» [Алексеев, 1950, с. 101, 103]. После же неллицеприятной критики рецензентом собственно поэтических качеств перевода с юмором воспринимается комплимент Го Мо-жо: «Мне недоступен перевод Л.З. Эйдлина на русский язык, но, зная переводчика, я имею основания верить, что этот перевод — настоящая поэзия» [Бо Цзюй-и, 1958, с. 7]. Трагикомически он созвучен тогда же громко звучавшим оценкам романа Б.Л. Пастернака теми, кто его не читал.

С таким предисловием и введением Л.З. Эйдлина, перенесённым в конец, в позицию послесловия, стихи Бо Цзюй-и в издании 1958 г. получили целостное обрамление из пропагандистской конъюнктуры, чуждое и обрамлённому предмету, и элементарной научности. В частности, процитированная во введении 1951 г. статья литературоведа Ю Го-эня объективно представлена как газетная публикация

1951 г. — «одна из многих статей о классической литературе, написанных за последнее время китайскими писателями» [Бо Цзюй-и, 1951, с. 19], а в 1958 г. сохранена и бережно подредактирована её завышенная характеристика («статьи» заменены «работами», «писатели» — «исследователями»), но лукаво устранено сообщение о появлении в газете семилетней давности [Бо Цзюй-и, 1958, с. 242], которое явно не стыкуется с научной представительностью и «последним временем». Всё это вряд ли пришлось бы по вкусу В.М. Алексееву.

Двумя годами раньше посвящённого ему юбилейного сборника 1972 г. вышла установочная монография бывшего преподавателя Высшей партийной школы и сотрудника журнала «Проблемы мира и социализма» В.Н. Никифорова (1920–1990) «Советские историки о проблемах Китая», основанная на его докторской диссертации 1967 г. «Советские историки и проблемы истории Китая». В ней ещё дано гораздо более скромное определение: В.М. Алексеев «был не историком, а востоковедом широкого профиля, с преимущественным интересом к истории культуры и литературоведению», — а также отмечено, что «устаревшая методология, лежавшая в основе работ В.М. Алексеева, неоднократно подвергалась марксистской критике» и своим ученикам, в частности С.Л. Тихвинскому, он, «не будучи ни историком, ни теоретиком», не мог дать «марксистской подготовки, они получали её от других преподавателей, от всей окружающей советской действительности» [Никифоров, 1970, с. 322, 331–332].

Кстати, и характеристика «востоковед широкого профиля» в 60-е гг. выглядела двусмысленным комплиментом, поскольку тогда считалось, что «главным достижением советской школы китаеведения» является его дифференциация на отдельные научные дисциплины (см., напр., [Скачков, 1977, с. 271]), и именно за архаическую немарксистскую приверженность «комплексной синологии» критиковал в 1938 г. В.М. Алексеева Н.И. Конрад. Когда же наступила хрущёвская оттепель, отбывший свой срок историк русской китаистики П.Е. Скачков (1892–1964) благодушно отметил, что «уже в советское время» В.М. Алексеев это признал, осознав «отрицательные черты, которые были присущи дореволюционному русскому китаеведению, оторванному от действительности», благодаря чему, в частности, он наряду с другими ведущими китаеводами «не проявил никакого интереса к китайской революции», в отличие от В.И. Ленина, не только в серии статей «обратившего особое внимание на революционное движение в Китае в 1911–1912 гг.», но и предвидевшего его в 1908 г. [Скачков, 1977, с. 269–271].

В застойный период конца 70-х — начала 80-х гг. традиционные ценности стали возвращаться на круги своя, и сами названия алексеевских изборников — «Китайская литература» (М., 1978; в расши-

ренном переиздании: «Труды по китайской литературе» [Алексеев, 2002, 2003]) и «Наука о Востоке» [Алексеев, 1982] — подтвердили его уже вполне позитивную квалификацию как китаиста-литературоведа и «востоковеда широкого профиля». В постсоветской России благодаря стараниям наследников, учеников и последователей вокруг В.М. Алексеева сложился целый культ, в котором он вновь предстал филологом и одновременно синологом-энциклопедистом: по определению Л.Н. Меньшикова (1926–2005) создателем «школы филологического анализа», «разрабатывавшим практически все направления китаеведческой науки» (цит. по [Алексеев, 2008, с. 628]), или, по ещё более пышному определению И.С. Смирнова, «крупнейшим китаеведом XX столетия, исследователем и переводчиком китайской словесности, последним мирового уровня учёным-универсалом, писавшим о китайской культуре во всё её многообразии» [Смирнов, 2014, с. 544].

В юбилейном сборнике 1972 г. С.Л. Тихвинский удостоился лишь пятого, непризового места на пьедестале учеников, но тоже активно включился в борьбу за лидерство со статьёй «В.М. Алексеев и изучение истории Китая», в которой поразительным образом прежде всего выступил против наречения юбиляра «крупнейшим русским востоковедом, главой советского китаеведения» вернувшись к определению «историка советского китаеведения В.Н. Никифорова», процитировав его и особенно подчеркнув, что В.М. Алексеев не являлся «специалистом-историком» [Тихвинский, 1972, с. 54].

Ограничение его деятельности литературоведением и культурологией означало возвращение в лоно старой и западной, т.е. буржуазной, а не советской, синологии, которая, по характеристике самого В.М. Алексеева, «расценивала всю нефилологическую продукцию как вместе с тем и несиналогическую» [Алексеев, 1982, с. 119]. Но и в дефиниции «советской синологии» он культурологию также погружал в филологию называя китайский язык «выразителем китайского культурокомплекса» [там же, с. 119]. Поэтому В.М. Алексеев и в меру сил подражавшие ему в литературном эстетстве Л.З. Эйдлин с Н.Т. Федоренко являлись не только филологами, но и членами Союза советских писателей. Напротив, уже ставший в 1968 г. членкором АН СССР, доктор исторических наук С.Л. Тихвинский писал шершавым языком плаката без элегических затей. Применённое им в начале доклада определение юбиляра было явным выпадом против подвизавшихся в филологии, литературоведении, беллетризированной культурологии и соответственно назвавших юбилейный сборник «Литература и культура Китая» претендентов на синологическое лидерство, т.е. в первую голову камнем в огород литературоведа, доктора филологических наук Н.Т. Федоренко.

Ранее точно такой же приём, правда, в частном письме А.Я. Гуревичу (1924–2006) от 24.08.1970, применил Н.И. Конрад против Л.З. Эйдлина как филолога, «не понимающего, что такое научно-историческая периодизация» [Конрад, 1996, с. 384] (см. об этом ниже). Претендуя на лидерство в советской синологии после смерти В.М. Алексеева и в то же время, видимо, сознавая, свою неспособность превзойти в китайской филологии не только его самого, но и его лучших учеников, Н.И. Конрад с начала 50-х гг. стал увлекаться историческими сюжетами и теориями, предложил оригинальную периодизацию всемирной истории на основе концепции «восточного Ренессанса», вызвал интерес у самого А. Тойнби (A.J. Toynbee, 1889–1975) и вступил с ним в переписку (см. [Конрад, 1996, с. 397–432]). Снискав на этом поприще широкую известность, он, однако, не сумел сплотить вокруг себя советских китаистов и внёс в их среду новый раскол, что отразила очередная критика Л.З. Эйдлиным его историкофилософских построений в алексеевском сборнике [Эйдлин, 1972, с. 289–291].

Напротив, успешно реализовался стратегический план С.Л. Тихвинского, который не выдвигал никаких оригинальных исторических концепций и специализировался лишь в изучении политической истории Китая конца XIX — первой половины XX в., однако в старой полемике об отнесении китаеведения прежде всего к филологии или к истории сделал ставку на второе. В том же 1972 году он стал ответственным редактором «коллективного труда советских историков-китаеведов» «Новая история Китая», в 1974 — главным редактором журнала «Новая и новейшая история», в 1982 — академиком-секретарём Отделения истории АН СССР.

На этом посту С.Л. Тихвинский попытался возглавить всех советских историков, а не только китаеведов и отличился резкой отповедью Ю.Н. Афанасьеву (1934–2015), который в навеянной перестройкой статье «Прошлое и мы» в органе ЦК КПСС журнале «Коммунист» [Афанасьев, 1985] предпринял очень осторожную, с воспроизведением клятв верности марксизму-ленинизму и последним партийным решениям, попытку преодолеть исторический догматизм с помощью здравого смысла. Наряду с ритуальным обличением «реакционности бердяевых» и «антиисторической, внеклассовой, биолого-энергетической» теории пассионарности (не называемого Л.Н. Гумилёва, 1912–1992) автор указал на отставание от времени Отделения истории АН СССР и затухание востоковедения.

Заняв сугубо охранительную позицию, С.Л. Тихвинский обратился с докладной в ЦК КПСС и принудил «Коммунист» опубликовать его «отлуп» Ю.Н. Афанасьеву, после чего тот подвергся серьёзной проработке, в частности в Отделении истории АН СССР с обвине-

нием в немарксизме, и был уволен как из Института всеобщей истории АН СССР, где заведовал сектором истории культуры зарубежных стран, так и из журнала «Коммунист», где ведал отделом истории и состоял членом редколлегии. Защищаясь, в марте 1986 г. он обратился с запиской «Где у перестройки тормоза?» к генсеку ЦК КПСС М.С. Горбачёву, в которой указал, что «самая скромная попытка “проветрить коридоры” в “историческом ведомстве” вызвала «бешеную реакцию»: «посыпались жалобы в инстанции, начались интриги, передёргивания, навешивание идеологических ярлыков», высказанная критика немедленно была объявлена «”нигилизмом” и “очернительством” (см. статью руководителя Отделения истории С.Л. Тихвинского в № 1 “Коммуниста” за 1986 г., с. 100). В первоначальном варианте статьи, присланной в редакцию, т. Тихвинский обвинил меня в “протаскивании идеалистических положений”, “богдановщине”, “релятивизме”, отходе от марксизма <...> Так как аргументировать по просьбе редколлегии свои персональные обвинения академик не сумел, то ему и пришлось их снять. Прочее осталось. Статья академика-секретаря по жанру — это не раздумья учёного, а традиционный предсъездовский ведомственный “рапорт”, заполненный перечнями изданий, мероприятий и прочего, призванный создать благоприятное и успокоительное впечатление о работе возглавляемого им учреждения» [Афанасьев, 1986].

Поскольку дух перестройки возобладал, её прорабы потеснили стародумов, используя их собственные приёмы. Уже в апреле 1986 г. С.Л. Тихвинского самого подвергли жёсткой проработке на заседании Секретариата ЦК КПСС за самоуправство и семейственность в Дипломатической академии МИД и по рассмотрении персонального дела в райкоме партии вlepили выговор, после чего он осенью того же года был вынужден покинуть пост ректора, а через два года — академика-секретаря Отделения истории АН СССР. В мемуарах 2005 г. эти события С.Л. Тихвинский назвал следствием «атмосферы интриг, царившей в Политбюро ЦК КПСС», и в целом безнравственности тогдашнего партийного руководства, «исподтишка поведшего дело не к укреплению, а к демонтажу социалистических завоеваний народа!!!» [там же, с. 365, 380]. Распекавшего его члена Политбюро ЦК КПСС Е.К. Лигачёва мемуарист уличил в стремлении таким образом собрать компромат на А.А. Громыко (1909–1989) и В.В. Гришина (1914–1992), чьи родственники подвизались в Дипакадемии, а уволившему его оттуда министру иностранных дел Э.А. Шеварднадзе (1928–1914) припомнил, что он был «фельдшером по образованию, не имевшим никаких данных, чтобы занять столь ответственный пост (за исключением, пожалуй, мастерства произнесения застольных тос-

тов)» [там же, с. 378–379]. Так или иначе, старый Акела промахнулся и перестал быть ректором, а молодой волк, напротив, в том же 1986 г. стал ректором Московского государственного историко-архивного института, в дальнейшем выросшего в мощный РГГУ, поскольку получил поддержку с вершины партийно-политического Олимпа.

Через 20 лет, когда Ю.Н. Афанасьев утратил былой политический вес и опростоволосился с продажей ректорства в РГГУ Л.Б. Невзлину в 2003 г., С.Л. Тихвинский вновь бросил в него камень, напомнив, что в 1986 г. он выступил с «нигилистической оценкой всего труда большого коллектива историков Отделения» АН СССР, бездоказательно приписал им «догматизм, начётничество, мировоззренческий консерватизм, нежелание якобы перестраиваться так, как того требуют партийные решения». Вместо контраргументов мемуарист отметил, что автор «грозных филиппик» сам был секретарём ЦК ВЛКСМ — руководителем Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина и аспирантом Центральной комсомольской школы, в кандидатской диссертации «не оставил камня на камне от известной “школы Броделя”, обвинив её основателя, выдающегося французского специалиста по экономической истории Ф. Броделя в антимарксистских взглядах», а в докторской «превознёс до небес “школу Броделя” и её основателя, показавшего, по словам диссертанта, своими трудами образец объективного подхода к историческому процессу, в отличие от догматической интерпретации истории К. Марксом» [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 374].

После скандалов в Дипакадемии и Отделении истории С.Л. Тихвинский в 1988 г. спланировал в тихую заводь Института Дальнего Востока АН СССР, где с образованием постсоветской России сам начал пластично перестраиваться и плавно возвращаться к исходному плану руководства синологией. Для укрепления новой базы он содействовал избранию в Академию заместителя директора института В.С. Мясникова (в 1990 членкором, в 1997 действительным членом по Отделению истории), а затем и пришедшего из международного отдела ЦК КПСС в 1985 г. директора М.Л. Титаренко, при полудетективном проведении которого в членкоры в 1997 г. пришлось в отвечавшей «лихим 90-м» обстановке недоверия и страха ставить на кон 14-этажное здание института, со сложной комбинацией имущественных интересов и личных амбиций переводя его из Отделения экономики в Отделение мировой экономики и международных проблем (подробно см. [Мясников, 2006, с. 600–601]).

В свою очередь, доктор философских наук, президент Ассоциации китаеведов РАН (1988–1998), председатель Общества российско-китайской дружбы (с 1998 г.) и академик РАН (с 2003 г. по Отделению общественных наук) М.Л. Титаренко организовал создание

6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая» (М., 2006–2010), увенчанной Государственной премией, и превратился в самого конкурентноспособного претендента на главенство в постсоветской синологии как комплексной культурологической дисциплине. В ответ на этот вызов, напоминающий соперничество руководителей компартии и спецслужб, С.Л. Тихвинский ответил инициативой по созданию 10-томной «Истории Китая», в которой взял на себя роль главного редактора и которая начала выходить в 2013 г. (подробно см. [Кобзев, 2014]). Благодаря большому объёму и включению обширных историко-культурных разделов она предназначена превзойти энциклопедию под редакцией М.Л. Титаренко.

Вместе с тем ветеран советской разведки, дипломатии и науки не отказался от принципа партийности, сведя его в 2005 г. к неизбежной политико-идеологической ангажированности: «Многовековой путь мировой историографии и более чем 60-летний — советский убедительно говорит о том, что история всегда была наукой мировоззренческой, обслуживающей политические и идеологические запросы общества» [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 366]. Поэтому же в своём едином предисловии ко всем томам 10-томной «Истории Китая» он связал её создание с подписанием в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, визитом Председателя Си Цзинь-пина в Москву в 2013 г. и тому подобными политическими актами [Тихвинский, 2013, с. 5], а не накоплением достаточного количества исторических знаний и определил её целью «способствовать развитию дальнейшего взаимопонимания и дружбы народов-соседей Российской Федерации и Китайской Народной Республики» [там же, с. 7], а не отражать истинную картину прошлого, которая может восприниматься по-разному, т.е., будучи объективной, иметь неконтролируемые субъективные эффекты. По конъюнктурности это обращение «К читателю» не далеко ушло от пропитанного цитатами из И.В. Сталина и Мао Цзэ-дуна «Введения» к кондовым «Очеркам по новой и новейшей истории Китая» (1949, 1951) Г.В. Ефимова (1906–1980), смолоду полюбившегося автору (см. ниже).

Самое поразительное, что в поссорившей двух советских историков-функционеров статье декларирована точно такая же методология: «В отличие от буржуазной марксистская историческая наука <...> никогда не лицемерила — “беспристрастного” отношения к прошлому быть не может, а одна из важнейших гарантий объективности — это партийность науки» [Афанасьев, 1985], — и протащенный в ней Л.Н. Гумилёв являлся точно таким же объектом критики С.Л. Тихвинского, который 30 апреля 1987 г. подал в ЦК КПСС «Заключение комиссии Отделения истории АН СССР о работах Л.Н. Гумилёва по историко-этнической проблематике», где сказано: «Методологически

неверные построения Л.Н. Гумилёва опасны серьёзными идеологическими и практически-политическими ошибками. Они органически связаны с уже давно разоблачёнными буржуазными теориями географического детерминизма, социального дарвинизма и геополитики, с идеалистической теорией “героев и толпы”, с национализмом и расизмом» [Тихвинский и др., 1995, с. 86].

Возвращаясь к докладу С.Л. Тихвинского 1971 г., следует отметить ярко зияющую лакуну в рассказе об ученичестве у В.М. Алексева, в котором при достаточно подробном описании взаимоотношений 1945–1950 гг. ни слова не сказано о докторской диссертации, что лишней раз свидетельствует о скрываемом конфликте с научным руководителем. Кстати, и В.Н. Никифоров в биографии С.Л. Тихвинского, описывая такие мелкие детали его работы над докторской диссертацией, как визиты в Фундаментальную библиотеку общественных наук с 5 до 9 вечера и возвращения на ночь в МИД, умолчал о руководстве В.М. Алексева, надо полагать, чтобы не вызывать сомнения в её марксистском и историческом характере.

Но удивительнее всего живописное обоснование учеником последнего отречения от учителя. С неподобающей для юбилейной статьи ядовитостью он указал, что «исторические взгляды В.М. Алексева формировались под сильным влиянием его ближайшего учителя — французского буржуазного сиолога Э. Шаванна (1865–1918), и ложно понимаемый “академизм” долгие годы держал Василия Михайловича в своих цепких объятиях, мешая ему изучать и осваивать марксистско-ленинскую историческую концепцию — тем не менее, под воздействием советской действительности, живя и работая в коллективе советских учёных-востоковедов, Василий Михайлович постепенно, ко второй половине 30-х годов, сумел окончательно порвать с напускным аполитизмом, признать принцип партийности науки и как большой учёный и искренний патриот отдать свои силы и знания делу подготовки новых китаеведческих кадров, всецело стоящих на позициях марксизма-ленинизма» [Тихвинский, 1972, с. 57–58].

В этом лукавом пассаже, с одной стороны, выведен из-под подозрения в «устарелой методологии», «аполитизме» и прочих идеологических грехах сам автор, учившийся у В.М. Алексева именно во второй половине 30-х годов, когда тот уже перековался под «воздействием советской действительности», как вслед за В.Н. Никифоровым эвфемистически назван «большой террор». С другой стороны, поскольку в первой половине 30-х годов В.М. Алексеев, ещё пребывая под влиянием «буржуазного сиолога Э. Шаванна» в «цепких объятиях ложно понимаемого “академизма”», не «освоил марксистско-ленинскую историческую концепцию» и не «признал принцип

партийности науки», созданная им тогда «Рабочая библиография китаиста» достойно получила партийный отпор со стороны бдительного рецензента С.Л. Тихвинского как не имеющая «ссылок и цитат на работы классиков марксизма и Сталина о Китае».

Когда же после крушения СССР В.М. Алексеев был воскрешён в силе и славе, канонизирован в сане самого крупного отечественного китаиста XX в. и «основоположника современной школы китаеведения в России» [Михайлов, Юркевич, 1994, с. 13], С.Л. Тихвинский открыто объявил его «основателем советской школы китаеведения», включив таким образом в пантеон «советской науки», ярким представителем которой является и сам [Тихвинский, 2006, кн. 5, с. 7], и принял свою версию активно распространять. Определение «советский» тут может означать только одно — следование марксистско-ленинской (и временами — сталинской) методологии и принципу партийности, однако В.М. Алексеев как последовательный объективист и позитивист этого всячески чурался. Из всего двух его собственно научных книг, изданных при жизни, первая «Стансы Сыкун Ту» увидела свет в 1916 г. при царизме (переиздана в постсоветское время [Алексеев, 2008, с. 13–576]), а вторая «Китайская литература: Шесть лекций в Коллеж де Франс и Музее Гимэ» — в 1937 г. в Париже по-французски (издана в русском переводе Н.М. Алексеевой [Алексеев, 2002, с. 92–148]), т.е. обе к «советской школе» не принадлежали, равно как не принадлежал к ней и его главный ученик — мистик, антропософ и тамплиер Ю.К. Щуцкий.

Несоветский или даже антисоветский характер этих явлений прекрасно понимали настоящие ревнители марксизма-ленинизма, обладавшие к тому же классовым чутьём и партийной бдительностью. В уже цитированной резолюции общего собрания китайской кафедры ЛВИ от 09.06.1938 прямо сказано, что В.М. Алексеев сознательно формировал синологическую школу с антисоветской идеологией: «Опубликованные академиком Алексеевым в течение всего советского периода работы представляют из себя яркие образцы протаскивания чуждой и враждебной нам идеологии <...> Академик Алексеев, стремясь сохранить за собой и за своими ближайшими учениками (Щуцкий и Васильев — враги народа) монополию как в области научного китаеведения, так и в учебно-педагогической деятельности, не способствовал подготовке, росту и выдвижению молодых кадров, наоборот, враждебно относясь к проявлению творческой инициативы со стороны молодых научных работников, всячески опорочивал их научную квалификацию» (цит. по [Хохлов, 2008, с. 461]); «Академик Алексеев не является подлинным представителем советской науки и своей лженаучной деятельностью позорит высокое звание советского академика. Дальнейшее отстаивание им

своих реакционных взглядов и продолжение лженаучной деятельности неизбежно поставит его вне рядов советских учёных. Собрание требует от Президиума АН СССР произвести тщательное изучение деятельности академика Алексеева в свете указаний партии и товарища Сталина и сделать необходимые выводы» (цит. по [Баньковская, 2010, с. 404–405]). Следовательно, советскость В.М. Алексева сводится лишь к тому, что вторая половина его жизни прошла при Советской власти, и ему подходит титул основателя в СССР школы классической, а не советской синологии, под которой он разумел «теорию китайского культурокомплекса и его выразителя — китайского языка, теорию, которая непременно соединена с овладением этим последним на предмет свободного исследования всех китайских источников» [Алексеев, 1982, с. 120].

Перефразируя В.С. Высоцкого (1938–1980), можно сказать, что он был советским, а значит пострадавшим, и в постсоветское время С.Л. Тихвинский не мог обойти молчанием клеветнические нападки на него, административное преследование и мужественное поведение в ожидании ареста вслед за учениками до войны, а также послевоенные события: «К счастью, опасность ареста Василия Михайловича миновала, но критика учёного возобновилась с новой силой после окончания войны, когда И.В. Сталин развернул новую волну репрессий под лозунгом борьбы с “низкопоклонством перед Западом”. Недруги Василия Михайловича вновь стали бросать ему обвинения в “любовании китайской монархической стариной”, незнании современного Китая, и т.д., и т.п. В эти годы Василий Михайлович был отстранён от заведования китайским кабинетом Института востоковедения, а его ученик-докторант Виктор Морищович Штейн был снят с поста декана Восточного факультета ЛГУ» [Тихвинский, 2006, т. 5, с. 22].

Вместе с тем мемуарист не назвал никого из гонителей, а, наоборот, к почётному ряду докторантов В.М. Алексева и своих учителей причислил декана Восточного факультета ЛГУ, профессора-историка Г.В. Ефимова, чьи лекции по новой и новейшей истории Китая он слушал «с огромным интересом» [Тихвинский, 2006, т. 5, с. 21, 164, 171, 179] и чьей сферы исследований придерживался во всей своей научной карьере, в частности, буквально шаг за шагом повторив путь к получению научных степеней: кандидата наук за диссертацию о Сунь Ят-сене и доктора за диссертацию о Китае конца XIX в.

Г.В. Ефимов.

Однако взаимоотношения Г.В. Ефимова с В.М. Алексеевым не были столь гармоничными. По определению А.А. Долининой, его речь на общем собрании Актива ИВ АН СССР 07.06.1938 «больше была похожа на политический донос» [Переписка, 2008, с. 366, письмо 71, примеч. 1] и, по свидетельству М.В. Баньковской, «в университетском “хоре лая” проработок 1938-го, а потом 1949 г. ведущий голос принадлежал бывшему слушателю Алексева Г.В. Ефимову», который как заведующий кафедрой (с 1941 г.) и декан (с 1949 г.) был «одним из самых действенных и беспощадных травителей Алексева и уничтожителей его курсов» [Баньковская, 2010, с. 350].

Среди подготовленных В.М. Алексеевым «кадров советских китаеведов» В.Н. Никифоров также назвал Г.В. Ефимова, который вспоминал, что в начале 30-х годов «Алексеев с увлечением читал и рекомендовал студентам первые марксистские очерки о Китае, такие, как книга К.А. Харнского» [Никифоров, 1970, с. 331–332]. Факты опровергают это воспоминание. В написанной тогда же «Рабочей библиографии китаевода» сказано: «Книги по истории и культуре Китая на русском языке или недостаточно связаны с источниками и пользуются аргументацией из вторых и из третьих рук, или устарели», — и добавлено примечание: «К таким книгам надо отнести, например, книгу К. Харнского “Китай с древнейших времён до наших дней” (Владивосток, 1927). Эта книга тем более опасна, что, написанная очень хорошим языком и увлекательно, может пленить читателя. Однако, не говоря уже о научных достоинствах, в ней нет

достаточной научной грамотности. К учебникам она отнесена, во всяком случае, быть не может, как и к справочникам, конечно. Точно так же книги Г.И. Сафарова, как, например, “Очерки по истории Китая” (М., Огиз, Соцэкиз, 1933), весьма интересные по марксистскому методу освоения китайской истории, часто опасны для начинающего китаиста понятием источника, которым автор считает почти исключительно переводной и пересказанный материал <...> Сафаров — известный писатель-марксист, и эти очерки, переоценивающие (уже не в первый раз) китайскую историю наново, читаются с большим интересом, несомненно, заставляя читателя, по крайней мере, задуматься над многим, ему как будто бы известным. К сожалению, полная неподготовленность автора к таким работам (если только он не смотрит на научно-популярную работу как на популярную, без научного элемента) сквозит на каждом шагу и заставляет нас сначала насторожиться, а потом и совсем, пожалуй, отложить книгу в сторону» [Алексеев, 2013, с. 112, 261, примеч. 173].

О самом же Г.В. Ефимове В.М. Алексеев писал, что он введен в Ученый совет ИВ АН «в острастку мне» (письмо Л.З. Эйдлину от 11.08.1949), и называл его «учеником-двоечником», который «никогда ничего не знал и знать не будет» (цит. по [Баньковская, 2010, с. 350]). Подтверждения этого нетрудно найти в главном труде уроженца села Хреновое, идейно сформировавшегося в редакции «Воронежской коммуны», Г.В. Ефимова — в дважды изданных массовым тиражом «Очерках по новой и новейшей истории Китая» (М., 1949, 1951). «Издание второе, исправленное и дополненное», выпущенное Госполитиздатом в 75 тысячах экземпляров, открывается репродукцией картины придворного художника Д.А. Налбандяна (1906–1993) «Великая дружба», изображающей душевную беседу Сталина с Мао Цзэ-дуном и удостоенной Сталинской премии, а завершается поздравительной телеграммой Сталина Мао Цзэ-дуну в связи с годовщиной КНР, в чём, надо полагать, и состояли главные «исправления и добавления в соответствии с критическими замечаниями советской печати», как сказано во «Введении» [Ефимов, 1951, с. 8]. При этом в главе о реформаторском движении, на изучении которого специализировался автор, название одной из главных книг лидера этого движения Кан Ю-вэя (康有為, 1858–1927) «Синь-сюэ вэй-цзин као» (新學偽經考 «Исследование поддельных канонов синьского учения», 1891 г.) неграмотно переведено как «Новый комментарий к классическим книгам» [Ефимов, 1951, с. 120], т.е. имя собственное (наименование эпохи Синь — Новая, 8–23 гг.) ошибочно сочтено нарицательным.

Зато преуспев в политграмоте, Г.В. Ефимов как глава аттестационной комиссии факультета дал В.М. Алексееву ответную и гораздо более опасную характеристику: «Не стоит на позициях марксистско-ленинской методологии. Его работы пронизаны духом буржуазного объективизма и идеализма <...> не справляется с порученным ему государством делом — игнорирует требования партии и правительства по идеологическому содержанию читаемых курсов» (цит. по [Баньковская, 2010, с. 350]).

Подобная оценка со стороны подлинного представителя «советской школы китаеведения» обнаруживает всю фиктивность зачисления в эту когорту В.М. Алексеева. Настоящими основателями данной «школы» были уничтоженные в сталинских застенках «пламенные революционеры»: ректор Университета трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена (1925–1927) К.Б. Радек (Собельсон, 1885–1939) и заведующий Восточным отделом Исполкома Коминтерна Г.И. Сафаров (Сафарян, 1891–1942).

Даже невинная поддержка В.М. Алексеевым дипломной работы студентов ЛИВа, ставшей первой советской книгой о китайской древности [Кокин и Папаян, 1930], вызвала издевательскую критику наставника Г.В. Ефимова ортодоксального марксиста М.С. Годеса: «Академик Алексей признавал концепцию Кокина и Папаяна совершенно правильной на том основании, что раз Китай находится в Азии, значит это “азиатский” способ производства» [Дискуссия об азиатском способе производства, 1931, с. 176; см. также: Никифоров, 1970, с. 230, 332]. Проводник марксизма в классическую синологию Г.К. Папаян (1901–?) отблагодарил В.М. Алексеева за помощь в публикации своей книги участием в разное его книг: изданной «Китайской иероглифической письменности и её латинизации» (см. [Васильев и др., 1932]) и забракованной «Рабочей библиографии китаиста» [Три неизвестных, 2008, с. 443].

Позже, на рубеже 40-х и 50-х годов, когда из науки была «изъята» большая часть китаистов не только «советской школы», В.М. Алексей под конформистским влиянием Л.З. Эйдлина, члена компартии с 1932 г., удостоившегося переводить сочинения Мао Цзэ-дуна, пытался, как В.Г. Белинский (1811–1848), «примириться с действительностью» и стать марксистом, но от безуспешности попыток в отчаянии писал: «Благие порывы!.. Я, к сожалению, не марксист. В моих проблемах трудно (для меня, по-моему) с уверенностью решать их по-марксистски» (цит. по [Баньковская, 2010, с. 415]).

Поэтому избрание твёрдым марксистом-ленинцем С.Л. Тихвинским своего идеологического антипода В.М. Алексеева руководителем в написании докторской диссертации объясняется лишь особой

ситуацией весны-лета 1945 г., когда на фоне общих побед, устремления на Восток и чрезвычайного усиления китайского фактора капризная воля тирана увенчала опального академика лаврами кавалера ордена Ленина. Однако мировоззренческая несовместимость никуда не пропала, и в своей диссертационной монографии С.Л. Тихвинский, выразительно умолчав о конъюнктурно выбранном официальном руководителе, честно упомянул о настоящем духовном наставнике Г.В. Ефимове [Тихвинский, 1959, с. 18; то же, 2006, с. 22].

Н.И. Конрад, наоборот, в привычной роли «попутчика» плывя на общей волне разоблачения марризма (которому отдали дань В.М. Алексеев с Ю.К. Щуцким) и славословий сталинской работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.), отметил идеологически выдержанными, но, увы, ненаучными публикациями о китайском языке. Его обширная, на 34 страницах, статья «О китайском языке» в № 3 журнала «Вопросы языкознания» за 1952 г., открывшегося портретом Сталина и передовицей «Два года движения советского языкознания по новому пути», была посвящена развенчанию академика Н.Я. Марра (1864–1934), который «ошибочную концепцию моносиллабичности и аморфности китайского языка» сделал «одним из оснований своей в корне ложной схемы о стадийном развитии языков» [Конрад, 1952, с. 78]. Более того, Н.И. Конрад возглавил редколлегию специально посвящённого «годовщине выступления И.В. Сталина по вопросам языкознания» «Лингвистического сборника» ИВ АН СССР, где первой стоит его статья «О национальном языке в Китае и Японии в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию», утверждающая, что национальным языком Китая не был *вэнь-янь*, а таковым стал лишь *бай-хуа* [Конрад, 1952а, с. 5–29].

Введение к сборнику «От редакции» начинается не менее выразительным «теоретическим» построением, вскрывающим общую связь марризма с востоковедением: «Советские востоковеды-лингвисты в большом долгу перед советским народом и научной общественностью. Известно, что порочное, антимарксистское, так называемое “новое учение” о языке Н.Я. Марра и его последователей строило свою аргументацию в значительной мере на примерах из восточных языков. Это особенно обязывает востоковедов-лингвистов, изучающих в свете гениального труда И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” определённые восточные языки, остро, со всей конкретностью вскрыть глубочайшие ошибки марризма, выявляя также всю его голословность, беспочвенность и необоснованность и в части фактического материала, которым марризм оперировал» [Учёные записки, 1952, с. 3].

В.М. Алексеев же всячески превозносил академика Н.Я. Марра [Алексеев, 1982, с. 30–43] и утверждал, что он «внёс в китаистику нечто неожиданно новое, внёс и тотчас же увлёк за собой как совершенно зрелых китаистов (проф. Ю.К. Щуцкий), так и начинающих (Ю.В. Бунаков)», «сдвинул прежде всего с мёртвой точки сам вопрос о роли китайского языка среди других» [Алексеев, 1982, с. 30–31].

Даже на излёте борьбы с «яфетической теорией» в конце 50-х гг. Н.И. Конрад всё ещё пугался её тени в наследии алексеевского окружения: «Опасения по поводу присутствия в работе Ю.К. Щуцкого [«Китайская классическая “Книга перемен”»] ряда положений, отражающих некоторые проблемы учения Н.Я. Марра, при ближайшем ознакомлении с работой — рассеялись. Самые “опасные” места оказались неопасными и требуют только ряда редакторских оговорок» (выступление на совещании в ЛО ИВ АН СССР 11.03.1958 [Конрад, 1996, с. 481, примеч. 5 со с. 480]). Аналогичную оговорку он внёс и в своё предисловие к первому изданию этой книги в 1960 г.: «Фактически автор оперирует аргументами от языка в духе Карлгрена, а не Марра», — хотя Ю.К. Щуцкий в ней прямо солидаризировался с «лингвистическим законом схождения, открытым академиком Н.Я. Марром» [Щуцкий, 2003, с. 78, 164, примеч. 34]. Вместе с тем, будучи сам близок к марризму в акценте на социальности языка, Н.И. Конрад в том же году поддержал публикацию в «Вопросах языкознания» (1960, № 1, с. 90–99) реабилитирующей Н.Я. Марра статьи его ученика, выдающегося филолога В.И. Абаева (1900–2001) (см. письмо Б.Б. Вахтину от 16.03.1960 [Конрад, 1996, с. 329–330]).

Сходной проблемы подгонки В.М. Алексеева под советский стандарт ранее коснулся И.С. Смирнов в заметках о втором издании его «Трудов по китайской литературе» [Алексеев, 2002, 2003]: «Как бы на другом полюсе “Трудов” — и не только по хронологии рассматриваемых в нём проблем — находится раздел “Новый Китай есть старый + новый...”, обильный интереснейшими материалами из архива учёного, включёнными и в две статьи М.В. Баньковской — “От составителя” и “Выпрямляя имена”. В совокупности раздел словно бы призван опровергнуть давние обвинения в незаинтересованности В.М. Алексеева в изучении современной ему китайской действительности. Это намерение кажется мне сильно запоздавшим. Может быть, сказано слишком резко, но ведь и вправду жаль усилий великого учёного, затраченных на опровержение для всех очевидной бессмыслицы; жаль энергии, времени, красноречия, употреблённых М.В. Баньковской, чтобы спустя десятилетия возразить тем, кто травил её отца. Ну, а если бы Алексеев, как его коллега А.И. Иванов или его ученик Б.А. Васильев (в 1937 г. были расстреляны оба. — *А.К.*),

забросил науку и отдался бы целиком нуждам революционной деятельности в Китае? “Отмылся” бы классово чуждый академик, избег хулы? Да придумали бы за милую душу ещё что-нибудь...

По-моему, верность его памяти требует сказать прямо: редкий случай, когда классовый нюх не подвёл доносчиков — чуждому политике Алексееву в Китае 10-х — 20-х годов в культурном смысле всё было не по нутру. На его веку почти разом ушли на дно две великие Атлантида культуры — русская и китайская, равно им любимые и равно оплаканные: русская — в тайниках души, китайская — в статьях, заметках, рецензиях» [Смирнов, 2005, с. 493–494].

Своим новым патроном и официальным оппонентом в 1951 г. С.Л. Тихвинский избрал сановного япониста Е.М. Жукова (1907–1980) (см. [Хохлов, 2009, с. 465]), с младых ногтей закалённого работой в аппарате ЦК ВКП(б) (1933–1937), а тогда руководившего Институтом востоковедения (1950–1953). Ранее, с 1941 г. подвизаясь в Тихоокеанском институте, в том числе директорствуя (1945–1950), он принял в аспирантуру С.Л. Тихвинского и выступил оппонентом на защите его кандидатской диссертации в 1945 г., а потом и докторской в 1953 г., за что С.Л. Тихвинский в юбилейном очерке о нём признал себя его учеником, но дипломатично умолчал о работе в аппарате ЦК ВКП(б) в лихие годы [Тихвинский, 2007, с. 911, 914]. В 1969 г., будучи директором Института всеобщей истории и академиком-секретарём Отделения истории АН СССР, Е.М. Жуков уклонился от поздравления и категорически отверг приглашение в посольство Японии на церемонию награждения своего учителя Н.И. Конрада, удостоенного японского ордена Восходящего Солнца II степени (письмо Н.И. Конрада Б.Б. Вахтину [1930–1981] от 09.03.1969 [Конрад, 1996, с. 373]).

Н.И. Конрад также был официальным оппонентом на защите обеих диссертаций (кандидатской в 1942 г. и докторской в 1968 г.) Л.З. Эйдлина, но ещё в 1952 г. в письме О.Л. Фишман уличал его в «утаиваемом невлании рифмой» при нерифмованном переводе сверхрифмованной китайской поэзии [Конрад, 1996, с. 307], а в 1968 г. в письмах Б.Б. Вахтину причислил к не выдерживающим «новых требований» архаичным «китаистам, читающим стихи и не видящим стихи» [Письма академика Н.И. Конрада, 1992, с. 81], поскольку они «видят в китайском стихе одни... иероглифические знаки...», а «китайский стих, как и вообще всякий стих, прежде всего в своей основе — звуковая организация и его законы — законы этой организации» [Конрад, 1996, с. 369]. Под этот критический выпад попал и В.М. Алексеев, что неожиданно сближало позицию Н.И. Конрада с 30-летней давности выступлением С.Л. Тихвинского против его приверженности иероглифической архаике.

Но и оппоненты Н.И. Конрада не отступили, перед самой его смертью только что защитивший докторскую диссертацию и ставший профессором (1969 г.) Л.З. Эйдлин выступил с сокрушительной критикой его заветной теории китайского Возрождения в популярнейшем многотиражном журнале «Иностранная литература» (1970, № 8), возглавляемом другим близким учеником В.М. Алексеева — Н.Т. Федоренко. Статья «Идеи и факты (несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения)» завершалась пожеланием В.М. Алексеева, что «установленные истины не будут смешаны с личными воззрениями, предположениями, теориями» [Эйдлин, 1970, с. 218].

Н.И. Конрад не стал возражать, а объявил своим конфидентам, что эта публикация — результат аморального заговора Эйдлина и Федоренко — вызвала у него сердечное заболевание, тем самым повторив историю с болезнетворным обличием Алексеева в 1937 г. Дебориным, Орбели, Горбуновым и комиссией Войтинского. В письме историку-медиевисту А.Я. Гуревичу (1924–2006) от 24.08.1970 он писал: «К сожалению, вот уже около 10 дней, как я — то лежу, то сижу в кресле: приступы стенокардии сильные и довольно длительные затруднительные боли. Известную роль в возбуждении этих явлений сыграла, конечно, статья Эйдлина в № 8 “Иностранной литературы”, направленная без всяких экивоков против меня. Научная сторона этой статьи меня не беспокоит: он просто не понимает, что такое научно-историческая периодизация и очень поверхностно знает те китайские материалы, о которых упоминает, не говоря уж о том, что также их не понимает. <...> Волнует другое: *то, что скрывается за фактом этой статьи, помещённой в журнале, редактируемом Федоренко*. А это — настолько противно и, прямо скажу, неприемлемо с точки зрения человеческой морали и простой порядочности (если даже не хуже!), что меня, всегда *именно к этой стороне дела* чувствительного, это не могло не возмутить» [Конрад, 1996, с. 384–385].

Через полмесяца последовало похожее письмо филологу-китаисту И.М. Ошанину (1900–1982): «<...> ничто так не огорчает меня, как человеческая злоба. Поверьте, именно это и взволновало меня в выступлении Льва Залмановича Эйдлина... И откуда эта злоба, пронизывающая каждую его строчку? И откуда этот высокомерный, “учительский” тон, вообще непригодный в общении с людьми и прямо оскорбительный по отношению ко мне, за плечами которого почти 60 лет честной научной работы и который на 30 лет старше его? Поверьте, *именно это* меня и взволновало, а не научная сторона его статьи: абсолютно всё можно было бы с легкостью отвести. Но я не разговариваю с тем человеком, который меня публично третирует как невежественного юнца... <...> “физика” наша скрипит... и даже очень!

Вот и этим летом — не без участия нашего милого Льва Залмановича (и его друга — редактора журнала, в котором помещена его статья) у меня почти три недели ушли на борьбу с приступами стенокардии...» [Конрад, 1996, с. 384–385].

Попутно стоит заметить, что Н.И. Конрад сам выпускал в науку джина федоренковщины (о чём ниже), был не на 30, а на 19 лет старше Л.З. Эйдлина и в прошлом сам позволял себе поучать его как юнца. К примеру, в письмах В.М. Алексею пренебрежительно высказывался о законченном «аспирантом новой формации» Московском институте востоковедения, где «верх науки — газета!», сообщал, что на защите его кандидатской диссертации «поругал — и местами здорово», поскольку в «работе много незрелого, многое — *ниже его самого*» (письмо от 08.09.1942), отмечал, что он знает китайский язык хуже критикуемой им Л.Д. Позднеевой (1908–1974) (письмо от 19.12.1946) и т.п. [Конрад, 1996, с. 278, 295]. Но когда неизвестно из какого сора появившийся «аспирант новой формации» стал доктором наук и почувствовал себя бóльшим знатоком Китая, чем воспаривший в теоретические эмпирии, широкоохватный, но поверхностный академик, все старые уколы, несомненно, известные ему от В.М. Алексея, сыграли свою возбуждающую роль. В общей оценке конфликта можно согласиться с хорошо знавшим его лично И.С. Смирновым: «в частном случае статьи Л.З. Эйдлин был прав, но душок политиканства, неустранимо исходивший от главного редактора “Иностранки”, давал оппонентам вполне веские доводы против всего предприятия со статьёй как такового» [Смирнов, 2014, с. 531].

Да и эти оппоненты оказались не лыком шиты, ответив Л.З. Эйдлину ударом из арсенала борьбы без правил. В связи с его 60-летием в том же 1970 г. научный сборник под грифом ИВ АН СССР «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока» открывался посвящённой ему статьёй Н.Т. Федоренко «Призвание китаиста» с предваряющим её и соответственно всю книгу портретом юбиляра [Федоренко, 1970]. Именно так — с указанием на наличие портрета данная статья числится в справочном списке работ о жизни и трудах Л.З. Эйдлина [Милибанд, 2008, кн. II, с. 697]. Однако мало кто видел этот портрет, поскольку почти во всех 1400 экземплярах тиража перед статьёй Н.Т. Федоренко красуется лишь приклеенный титульный лист чуть меньшего формата, а юбилейный портрет оттуда выдран по распоряжению академического начальства, отмстившего таким образом за Н.И. Конрада. Подобно счёту родственникам за расстрельную пулю, оплату этой средневековой акции издательство (Главная редакция восточной литературы) возложило на читателей, непристойно увеличив, а не уменьшив из-за изъятия значимой иллюстрации

стоимость книги на крохоборские 5 копеек, о чём свидетельствует зачернение старой цены (94 коп.) и надпечатка новой (99 коп.) на обороте обложки.

И.С. Смирнов недавно также обратился к параллельным жизнеописаниям двух пошедших разными путями однокашников, друзей и коллег — Л.З. Эйдлина и Н.Т. Федоренко [Смирнов, 2014, с. 534–536]. Научные карьеры обоих складывались в тесной связи и с В.М. Алексеевым, и с Н.И. Конрадом. В военные годы, в ферганской эвакуации последний как официальный оппонент поддержал защиту не только вполне достойной и весьма объёмной (852 с.) кандидатской диссертации Л.З. Эйдлина (30.05.1942) о четверостишиях Бо Цзюй-и (унаследовавший её редкий экземпляр И.С. Смирнов из-за двойной пагинации уменьшил количество страниц до 700 [Смирнов, 2014, с. 535]), но и художественной (166 с.) докторской Н.Т. Федоренко (22.05.1943), которой в нарушение всех правил не предшествовала ни кандидатская, ни одна публикация по теме (о поэзии Цюй Юаня 屈原, ок. 348 — ок. 278 до н.э.) и которая представляла собой очевидную халтуру или даже плагиат, но зато, по преданию, была санкционирована личным звонком то ли наркома иностранных дел В.М. Молотова (1890–1986), то ли уполномоченного ГКО по науке С.В. Кафтанова (1905–1978).

В эту околонуучную интригу был вовлечён и В.М. Алексеев, которому за полгода до чудесной защиты отправил удивительное письмо сотрудник советского посольства в Пекине и его бывший аспирант Н.Т. Федоренко, ранее, с января 1938 г. готовивший кандидатскую диссертацию «Политические и литературные убеждения Лу Синя», что явно диссонировало с одним из обвинений в «Правде» от 31.05.1938: «Когда В.М. Алексееву предложили принять участие в подготовке сборника, посвящённого памяти китайского антифашистского писателя Лу Синя, он категорически отказался. Он сослался на то, что якобы не занимается современной китайской литературой» (цит. по [Хохлов, 2008, с. 457]).

Титул кн. Ш кандидатской диссертации Л.З. Эйдлиной.
Фергана, 1942 г.

На обвинение В.М. Алексеев ответил без всякого упоминания Н.Т. Федоренко и с правдивой, но по ситуации неэтичной ссылкой на Б.А. Васильева: «В сборнике, посвященном памяти Лу Синя, я действительно отказался сотрудничать с б[ывшим] проф. Васильевым (ныне арестованным), ибо, во-первых, его редактуру и построение сборника решительно не одобрял, а во-вторых, не считал и не считаю себя знатоком Лу Синя, каковых среди нас и вообще нет, ибо и полного собрания его сочинений у нас нет. Поставить же своё имя, как сделал ряд китаистов, вместе с автором данной статьи, не-китаистом Х. Муратовым, в начале сборника в качестве знатоков предмета, я, конечно, не мог и не хотел. Наилучшим знатоком Лу Синя является т. Штукин, из моих учеников, которому и принадлежит большинство переводов новелл Лу Синя в данном сборнике» (цит. по [Три неизвестных, 2008, с. 438]). Удивительным образом через 20 лет Н.Т. Федоренко вновь подхватил следующую тему А.А. Штукина — «Ши-цзин», перед этим не забыв сняв урожай и с предыдущей выпустив в пропагандистском обществе «Знание» многотиражно-гонорарную брошюру «Великий китайский писатель Лу Синь» (М., 1953).

29 ноября 1942 г., в разгар Сталинградской битвы, переговоров между КПК и Гомиьнданом о едином фронте против Японии и антисоветской кампании в Синьцзяне, дипломат Н.Т. Федоренко слёзно каялся своему экс-наставнику: «Вы, очевидно, твёрдо разочаровались во мне и, конечно, менее всего ожидаете вестей от меня, державшего Вас в полном неведении вот уже почти три года. К моему удивлению, многие успели отправить меня на тот свет... Это тем более странно: ведь я, кажется, старался совсем никому не надоедать. Увы, я оказался очень живучим, может быть, слишком живучим... Не стану оправдываться. Уверен, что Вы, Василий Михайлович, поймёте меня без труда, когда мы встретимся и объяснимся. Я, сверх моего ожидания, удостоился командировки в Москву на два-три месяца и только что получил разрешение руководства НКВД на подготовку и защиту диссертации. Спешу признаться, дорогой Василий Михайлович, что последние два года я увлекался не Лу Синем, а Цюй Юанем и уже сейчас заканчиваю работу “Цюй Юань и его творчество”, которую хочу представить в качестве диссертации. Но прежде всего я отдаю всё это на Ваш суд. Без Вашего благословения я не решусь дерзнуть, хотя в своих праведных трудах уверен. <...> Прошло три года, тяжёлых и страшных. Но теперь, кажется, мы имеем право встретиться и вместе поплакать... Не осуждайте меня, Василий Михайлович, не осуждайте только до встречи. Вы увидите, что я не виноват. Напишите мне всё, что Вам можно и нужно, что Вы написали бы своему родному сыну. Жму Вашу руку и обнимаю» (цит. по [Хохлов, 2012, с. 95]).

Видимо, эти намёки на неясную трагедию, возможно, как-то связанную с его кратковременным арестом на первом курсе института [Смирнов, 2014, с. 524], сыновние слёзы и объятия растрогали В.М. Алексева, у которого родной сын Михаил (1922–1943) воевал на Кавказском фронте и пропал весной 1943 г. Он с рвением взялся изучать новую диссертацию своего воскресшего подопечного и выразил ему массу критических замечаний, несмотря на которые тот по-наполеоновски ввязался в бой и победил.

Известный китаист, ставший потом и деканом Восточного факультета Ленинградского университета, и узником ГУЛАГа, В.М. Штейн, находясь в саратовской эвакуации, с негодованием описал эту ситуацию своему учителю китайского языка В.М. Алексеву в чрезвычайном оперативном по условиям времени письме от 10 мая 1943 г.: «Вместе с Вами возмущаюсь историей с Федоренковской диссертацией. Насколько я мог подметить, Федоренко не принадлежит к числу гениев, явно отмеченных печатью избрания на высоком челе, а в отношении рядового научного работника ставить вопрос о присвоении

ему сразу докторской степени, когда он, вероятно, не имеет за душой печатной строчки, мне кажется поистине нелепо. Удивляюсь, что Николай Иос[ифович Конрад] и Николай Вас[ильевич Кюнер] не разобрались в этом элементарном вопросе» (цит. по [Хохлов, 2012, с. 88]). Справедливости ради надо заметить, что все участвовавшие в злополучном деле доктора наук сами получили свои степени без защиты: В.М. Алексеев — 12.1.1929, Н.И. Конрад — 15.10.1934, Н.В. Кюнер (1877–1955) — 15.5.1935, В.М. Штейн — 25.6.1936, а потому формально могли и «не разобраться в этом элементарном вопросе».

В последовавшем через месяц после послания В.М. Штейна письме самого В.М. Алексеева Л.З. Эйдину от 7 июня 1943 г. столь же неллицеприятно излагались подробности «махинации» его друга: «Н.Т. Федоренко привёз сюда свою докторскую (на основании бумаги от КДВШ [Комитета по делам высшей школы], обошедшей все законы) дисс[ертацию], и я сделал ему н`овое колич[ество] замечаний. Дисс[ертация] его — даже не кандидатская, но я не решился дать о ней полный отзыв из-за отсутствия книг <...>, т[ак] что отношение всей его махинации к науке мне осталось неизвестным. <...> 7 мая он защитил свою диссертацию в Ташкенте, по отзыву Кюнера и, очевидно, других. Я не понимаю, как это случилось, что, приехав в Ташкент 5 мая, он 7-го уже защ[итил] докт[орскую] дисс[ертацию] и 10 уехал в Москву. Мне он не написал ни слова, несмотря на крепкое обещание. А, между тем, ни с чьей дисс[ертацией] я так много не возился (я сидел над ней — 166 стр. — 15 дней, и докладывал ему о ней в течение 2-х полных дней, не исчерпав при этом и 5% всех возражений)... и о ней у меня с *Вами* были бы очень долгие и сложные разговоры. Но — дело сделано. Кто виноват из них, кто прав, — судили там, в Ташкенте» (цит. по [Смирнов, 2014, с. 535]).

Ко всему прочему этот шемакин суд не подлежит обжалованию, поскольку сам предмет разбирательства таинственно, но весьма кстати исчез, о чём ещё через год сообщил своему наставнику в ответном письме от 8 мая 1944 г. Л.З. Эйдин: «Диссертации Федоренко я, к сожалению, не видел по той простой причине, что её в Ташкенте нет. Есть только стенограмма его выступления, из которой явствует, что Цюй Юань был патриот и что “диссертант дал себе труд...”. Ну, дай ему бог! Пожелаем ему и китаистике, чтобы аванс был оправдан. А человек он очень способный» (цит. по [Смирнов, 2014, с. 536]).

За отсутствием таинственной диссертации о различно оцениваемых коллегами способностях автора можно судить по написанной им вступительной статье к вышедшему под его редакцией сборнику

стихотворений Цюй Юаня (М., 1954). Она представляет собой 16 страниц лозунгов и ламентаций на грани заговаривания: «Цюй Юань мечтал о счастливом существовании своей родины, своего народа <...> искренне стремился к истинной свободе, справедливости, к большому счастью китайского народа. И это счастье завоёвано теперь китайским народом в великой национально-освободительной борьбе под руководством славной Коммунистической партии Китая. Историческая победа народа над своими поработителями привела к утверждению нового, свободного, демократического строя жизни. В молодой Китайской Народной Республике в невиданных масштабах бурно расцветает культура свободного народа», — а также славословий Го Мо-жо, написавшему пьесу «Цюй Юань» «в январе 1942 года, в дни разгула чёрной гоминдановской реакции, в центре её господства — Чунцине» и в предисловии к русскому изданию 1951 г., назвавшему её символическим протестом против того, что «много патриотов и революционеров бесследно исчезло, многие были брошены в концентрационные лагеря. Руководимые Коммунистической партией Китая, представившей силы народа, освобождённые районы в северной части Шэньси подверглись в то время блокаде, а Новая 4-я армия, имевшая наибольшие после 8-й армии заслуги в развернувшихся на южном берегу Янцзы сражениях с японскими агрессорами, подверглась вероломному нападению со стороны реакционных сил и понесла серьёзные потери» [Цюй Юань, 1954, с. 16–18].

Статья может родить подозрение, что пьеса Го Мо-жо стала главным источником вдохновения или даже просто главным источником для диссертации Н.Т. Федоренко. Во всяком случае место и время создания обоих шедевров совпали. Ещё удивительнее, что подобный словесный мусор до сих пор циркулирует в разного рода сомнительных изданиях на бумаге и в Интернете, проникая даже в академические сферы (см. [Кобзев, 2014, с. 488–499]).

Через треть века после тощей вступительной статьи Н.Т. Федоренко попытался превзойти диссертацию Л.З. Эйдлина представив в издательство «Восточная литература», по сообщению работавшего там И.С. Смирнова, огромный опус о Цюй Юане объёмом в 40 а.л. Однако он увидел свет уже после смерти соратника тоненькой книжицей из 156 страниц, в которую его перелицевал, практически переписав, редактор И.С. Смирнов [Федоренко, 1986]. Завершающим символом этой трагикомедии стала обложка издания, запечатлевшая не Цюй Юаня, а спутанного с ним Ли Бо (李白, 701–762).

Особые таланты Н.Т. Федоренко проявились и «после краха дипломатической карьеры (американские журналисты, по слухам, раскопали у яростно громившего с ооновской трибуны “израильскую

военщину» и «мировой сионизм» советского представителя еврейскую маму» [Смирнов, 2014, с. 524], когда он спланировал в Союз советских писателей, где стал секретарём по международным связям, и возглавил «Иностранку», где организовал интригу с разносом теории восточного Возрождения.

По-видимому, её смысл состоял в том, чтобы руками Л.З. Эйдлина, провозгласившего, что король голый, сместить Н.И. Конрада с трона главы «советской школы китаеведения», который он занял после смерти В.М. Алексеева, и воссесть на него самому. Интрига возымела эффект «ждановской жидкости», и буквально в следующем месяце после выхода в свет злополучной статьи его покинул Н.И. Конрад (30.09.1970), что надолго дискредитировало публикаторов, а на освободившееся место вскоре взошел другой дипломат — незадолго до этих событий ставший чрезвычайным и полномочным послом (06.12.1967) и членкором АН СССР (26.11.1968) — С.Л. Тихвинский, который, подобно Н.И. Конраду, Н.Т. Федоренко и Л.З. Эйдлину, принялся возводить своё генеалогическое древо к монарху синологии Василию Михайловичу, а не к монаху Алике из разрушенного храма.

Литература

1. *Алексеев В.М.* Китайская письменность и её латинизация. Л., 1932. — 178 с.
2. *Алексеев В.М.* [Рец.:] *Бо Цзюй-и.* Четверостишия. Пер. Л. Эйдлина. М., 1949 // Советская книга. 1950, № 5, с. 101–105.
3. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке: Статьи и документы / Сост. *М.В. Баньковская.* М., 1982. — 535 с.
4. *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе / Сост. *М.В. Баньковская.* Кн. 1, 2. М., 2002, 2003. — 574, 511 с.
5. *Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте: стансы Сыкун Ту (837–908): перевод и исследование (с приложением китайских текстов). М., 2008. — 702 с.
6. *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста: Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая // Архив российской китаистики / Сост. *А.И. Кобзев.* Т. I. М., 2013, с. 51–328.
7. *Алпатов В.М.* Академик Н.И. Конрад между Китаем и Японией // В потоке научного творчества. К 80-летию В.С. Мясникова. М., 2011, с. 52–65.
8. *Алпатов В.М.* Репрессии среди советских китаистов // Архив российской китаистики / Сост. *А.И. Кобзев.* Т. II. М., 2013, с. 377–385.
9. Антология китайской лирики VII–IX вв. по Р.Хр. Редакция, вводные обобщения и предисл. В.М. Алексеева. М.; Пб., 1923. — 144 с.
10. *Афанасьев Ю.Н.* Прошлое и мы // Коммунист. 1985, № 14, с. 105–116; то же // *он же.* Я должен это сказать. М., 1991; то же // *он же.* Россия на распутье. Т. I. М., 2000.

11. *Афанасьев Ю.Н.* Где у перестройки тормоза? (Записка генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачёву, март 1986 г.) // *он же.* Я должен это сказать. М., 1991; то же // *он же.* Россия на распутье. Т. 1. М., 2000.
12. *Баньковская М.В.* Василий Михайлович Алексеев и Китай: книга об отце. М., 2010. — 487 с.
13. *Бо Цзюй-и.* «Оборванные строки». Лирические стихотворения (IX век) / Пер., вступ. ст. и примеч. *Б.А. Васильева* // Восток. Сборник первый / Ред. *Н.И. Конрад.* М.–Л., 1935, с. 127–138.
14. *Бо Цзюй-и.* Четверостишия / Пер. *Л. Эйдлина.* М., 1949. 224 с.; то же. М., 1951. — 240 с.
15. *Бо Цзюй-и.* Стихи / Пер. *Л. Эйдлина.* М., 1958. — 264 с.
16. *Васильев Б., Драгунов А., Папаян Г., Поляков А., Соколов П., Шпринцин А.* За или против латинизации? [Рец. на:] *Алексеев В.М. (академик).* Китайская иероглифическая письменность и её латинизация. Л., 1932 // Проблемы марксизма. 1932, № 3, с. 129–139.
17. Дальнее эхо: Антология китайской лирики (VII–IX вв.) / В переводах *Ю.К. Щуцкого.* СПб., 2000. — 256 с.
18. Дискуссия об азиатском способе производства. М.–Л., 1931.
19. *Ефимов Г.В.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1951.
20. *Кара-Мурза Г.С.* Марксизм и буржуазная синология // Проблемы Китая. 1930, № 4–5, с. 105–118.
21. *Кобзев А.И.* Игрища бесовские в АН СССР // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч. 2 (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 9). М., 2013, с. 263–270.
22. *Кобзев А.И.* Синологи, тамплиеры и антропософы в советском аду: круг *Ю.К. Щуцкого* // Архив российской китаистики. Т. II. М., 2013, с. 386–405.
23. *Кобзев А.И.* «История Китая» как зеркало российской китаистики // Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч. 2 (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 15). М., 2014, с. 462–517.
24. *Кокин М.Д., Папаян Г.К.* Цзин-Тянь. Аграрный строй древнего Китая. Л., 1930. — XXIV, 183 с.
25. *Конрад Н.И.* О китайском языке // Вопросы языкознания, 1952, № 3, с. 45–78.
26. *Конрад Н.И.* О национальном языке в Китае и Японии в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию // Учёные записки Института востоковедения. Т. IV: Лингвистический сборник. М., 1952а, с. 5–29.
27. *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма / Сост. *М.Ю. Сорокина, А.О. Тамазшвили.* М., 1996. — 544 с.
28. Литература и культура Китая. Сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева. М., 1972. — 360 с.
29. *Милибанд С.Д.* Востоковеды России: XX — начало XXI в.: библиографический словарь в 2 кн. Кн. I, II. М., 2008. — 4, VIII, 968; 1005 с.
30. *Михайлов А.Ф., Юркевич А.Г.* Алексеев Василий Михайлович // Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994, с. 13–15.

31. Мясников В.С. В поисках научного чувства (О работе китаеведа над собой) // *он же*. Квадратура китайского круга: избранные статьи: в 2 кн. М., 2006. Кн. 2, с. 568–603.
32. Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. — 416 с.
33. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) (публ., предисл., примеч. А.А. Долининой) // *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. Вып. 3. М., 2008, с. 139–428.
34. Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. М., 2010. — 1008 с.
35. Письма академика Н.И. Конрада / Предисл. и коммент. В.М. Алтатова, М.Ю. Сорокиной // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. Т. 51. 1992, № 6, с. 69–86.
36. Письма В.М. Алексеева В.Л. Комарову (публ. А.Н. Хохлова) // *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. Вып. 3. М., 2008, с. 471–474.
37. Письма С.Г. Елисеева к В.М. Алексееву 1933–1936 годов (Вступление и публикация Е.М. Дьяконовой и И.С. Смирнова) // *Восток–Запад: Историко-литературный альманах: 2003–2004*. М., 2005, с. 28–78.
38. Померанц Г.С. Без покаяния // *Литературная газета*. 05.02.1997, № 5.
39. Рифтин Б.Л. О синологических словарях и справочниках, старых и новых // Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста: Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая / Отв. ред. Б.Л. Рифтин, отв. сост. Т.И. Виноградова. СПб., 2010, с. 278–371; то же // *Архив российской китаистики*. Т. I / Сост. А.И. Кобзев. М., 2013, с. 331–432.
40. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 266–271, указ.
41. Смирнов И.С. «...имеет отношение к воспитанию души». Над страницами «Трудов по китайской литературе» акад. В.М. Алексеева // *Аспекты компаративистики. 1. Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности РГГУ. VI. М., 2005, с. 479–500.
42. Смирнов И.С. Случай Эйдлина // *он же*. Китайская поэзия в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях. М., 2014, с. 521–542.
43. Сорокина М.Ю. Николай Конрад: жизнь между Западом и Востоком // *Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР*. М., 1995, с. 128–143.
44. Тихвинский С.Л. В.М. Алексеев и изучение истории Китая // *Литература и культура Китая*. М., 1972, с. 54–59.
45. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вэй. М., 1959. — 420 с.; то же // *он же*. Избранные произведения в 5 кн. Кн. 1: История Китая до XX века. М., 2006, с. 10–415.
46. Тихвинский С.Л. Академик В.М. Алексеев и его школа // *Китай в диалоге цивилизаций*. М., 2004, с. 810–819; то же // *Восток–Запад: Историко-литературный альманах: 2003–2004*. М., 2005, с. 11–24; то же // *он же*. *Век стремительных перемен*. М., 2005, с. 478–495; то же // *он же*. *Избранные про-*

изведения в 5 кн. Кн. 5: Воспоминания дипломата и заметки историка: автор о себе, своих коллегах — историках и дипломатах. М. 2006, с. 7–25.

47. *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения в 5 кн. М., 2006. Кн. 1, 5. — 682, 452 с.

48. *Тихвинский С.Л.* Историк-энциклопедист, редактор, педагог. К 100-летию со дня рождения академика Е.М. Жукова // Вестник РАН. Т. 77. 2007, № 10, с. 911–914.

49. *Тихвинский С.Л.* К читателю // История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. / Гл. ред. *С.Л. Тихвинский*. Т. II. М., 2013, с. 5–7.

50. *Тихвинский С.Л., Ковальченко И.Д., Новосельцев А.П. и др.* Заключение комиссии Отделения истории АН СССР о работах Л.Н. Гумилёва по историко-этнической проблематике. 30.04.1987 // Источник. Документы русской истории. 1995, № 5, с. 85–86.

51. Тихвинский Сергей Леонидович // Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеоведами XX–XXI вв. / Ред. *В.Ц. Головачёв*. Т. 1. М., 2014, с. 350–366.

52. Три неизвестных архивных документа: к биографии В.М. Алексева (публ., ст. и коммент. А.Н. Хохлова) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2008, с. 431–449.

53. Учёные записки Института востоковедения. Т. IV: Лингвистический сборник. М., 1952. — 412 с.

54. *Федоренко Н.Т.* Великий китайский писатель Лу Синь. М., 1953. — 32 с.

55. *Федоренко Н.Т.* Призвание китаиста // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока / Отв. ред. *И.С. Лисевич, О.Л. Фишман*. М., 1970, с. 3–10.

56. *Федоренко Н.Т.* Цюй Юань: Истоки и проблемы творчества. М., 1986. — 156 с.

57. *Хохлов А.Н.* Академик-китаист В.М. Алексеев под угрозой остракизма в 1938 г. // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2008, с. 450–470.

58. *Хохлов А.Н.* Академик С.Л. Тихвинский в начале творческого пути (к 90-летию со дня рождения выдающегося китаеоведа) // Общество и государство в Китае. Т. XXXIX (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 1). М., 2009, с. 450–471.

59. *Хохлов А.Н.* Китаист Н.Т. Федоренко в начале творческого пути (неизвестные страницы биографии крупного востоковеда) // Общество и государство в Китае. Т. XLII, ч. 2 (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 6). М., 2012, с. 84–103.

60. *Цюй Юань.* Стихи / Вступительная статья и общая редакция *Н.Т. Федоренко*. М., 1954. — 158 с.

61. *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен». 2-е изд. / Сост. *А.И. Кобзев*. М., 2003. — 606 с.

62. *Эйдлин Л.* Четверостишия Бо Цзюй-и (771–846). Канд. диссертация. Научн. руководитель ак. В.М. Алексеев. МИВ, 1942. Кн. I–V. — 164, 688 с.

63. *Эйдлин Л.З.* Идеи и факты (несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения) // Иностранная литература. 1970, № 8, с. 214–228.

64. Эйдлин Л.З. Заметки к докладу Л.Н. Меньшикова и Л.К. Павловской «Справочные пособия как показатель этапов развития китайской литературы» // Литература и культура Китая. М., 1972, с. 282–291.

*A.I. Kobzev**

Was heshang Alike “the founder of the Soviet school of Sinology”?

ABSTRACT: This article continues the author’s research on the history of Russian Sinology XX century as a struggle between two lines: classic and Soviet Sinology. This scientific, moral, and political opposition is seen as a concrete examples of polar fates of prominent Russian scientists, which form a complementary pairs: V.M. Alekseev (1881–1951) and N.I. Conrad (1891–1970), Yu.K. Schutsky (1897–1938) and B.A. Vasiliev (1899–1937), A.A. Shtukin (1904–1963) and S.L. Tikhvinsky (b. 1918), L.Z. Eidlin (1909/1910–1985) and N.T. Fedorenko (1912–2000). Illuminated some dark episodes of 1930–1990-ies, related to the political engagement, service activities and the desire of the participants to lead the Soviet Sinology. It is shown that a common characteristic of the V.M. Alexeev as “the founder of the Soviet school of Sinology” is false and nonscientific motivated.

KEYWORDS: V.M. Alekseev, N.I. Conrad, Yu.K. Schutsky, B.A. Vasiliev, A.A. Shtukin, L.Z. Eidlin, N.T. Fedorenko, S.L. Tikhvinsky, the history of Russian Sinology, Soviet Sinology.

* Prof., Dr. Hab., head of China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; dean of the Faculty of Humanities and head of the Department of Cultural Studies, Moscow Institute of Physics and Technology; head of the Educational and Scientific Center “Philosophy of the East”, Russian State University for the Humanities. E-mail: ivran_china@mail.ru, arkobzev@gmail.com